

Татьяна Трубникова

Знаки перемен

Татьяна Трубникова
Знаки перемен (сборник)

«Литературная Республика»

2016

УДК 84(2Рос=Рус)6
ББК 821.161.1

Трубникова Т. Ю.

Знаки перемен (сборник) / Т. Ю. Трубникова —
«Литературная Республика», 2016

ISBN 978-5-7949-0574-8

«Знаки перемен» – это излом русской жизни на перепутье времен. Это те знаки, которыми отмечено наше бытие. Книга о простых людях, о тех, кто рядом. О нас.

УДК 84(2Рос=Рус)6
ББК 821.161.1

ISBN 978-5-7949-0574-8

© Трубникова Т. Ю., 2016
© Литературная Республика, 2016

Содержание

Личико Ли	6
Ворона и король	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Трубникова

Знаки перемен

© Трубникова Т. Ю., 2016

© Московская городская организация Союза писателей России, 2016

© НП «Литературная Республика», 2016

Личико Ли

*Прыжок... Еще прыжок...
Я промахнулась. Я упала...
Я разбилась.
Но я прыгнула!*

Летний вечер еще только начинался. Впереди было ух! сколько времени. Красота! Вся душа ее пела от предвкушения какого-нибудь романтического приключения.

Четверо молодых людей стояли у подъезда. О чем-то говорили и по-молодецки ржали. Им был хорошо. Может, девок обсуждали, может, собирались выпить.

Жара спала. Тенистая листва выросших за тридцать лет деревьев окутывала подмосковный дворик. Веселые солнечные зайчики, просочившиеся сквозь листву, прыгали по песку и асфальту.

Она сидела на лавочке. Чужие дети возились в песочнице. Две мамашки сидели рядом и болтали. Ей всегда было безумно скучно так сидеть.

«Курицы. Ни кожи, ни рожи. Ни фигуры».

То ли дело она! Фигурка у нее всегда была высший класс. Ни один мужик не проходил мимо. И все звали ее по-разному: кто Люсей, кто Лорой... Хотя вообще-то она была Лида, Лидия. В детстве ей нравилось, чтобы ее звали Ли. Потом как-то прицепилось... Сколько раз ей это имя нежно шептали на ушко... Дураки! От этой смешной мысли ей захотелось танцевать. Нужно, просто необходимо было сделать какой-нибудь жест, который отражал бы ее настроение. Ей ничего не приходило в голову, кроме как изящным жестом сбросить свой короткий пиджачок. Что она и сделала. Медленно, медленно, в такт звучащей в ней музыке.

«Жаль! Ни один из этих молодых жеребцов не заметил!»

Она встала, оставив пиджачок на скамеечке, и пошла к молодым людям. Она шла своей обычной раскованной походочкой, которая всегда заводила ее саму. Стоило только представить себе, как сексуально перемещаются ее ноги... Точь-в-точь по одной линии, как по ниточке. И шагала она не топорно, с пятки, а нежно прикасаясь к земле всей ступней сразу. Царица подиума, вот она кто.

Теперь-то они точно ее увидели! Все посмотрели на нее. Какие жеребчики! У нее все горело внутри от одного взгляда на их молодые ноги, небрежные юные движения...

За спиной она слышала смех. Одна молодая мамашка что-то говорила другой. И они вместе посмеивались. Другая ответила. Видимо, метко. Это их еще больше развеселило.

– Не хочешь? – спросила одна мамашка другую, кивнув на двухлитровую бутылку, стоящую рядом.

Та покачала головой. А в глазах сверкали бесенята смеха.

«Ну, что же вы молчите?» – мелькнуло у Лиды.

Подростки шарахнулись от нее.

А что она хотела? Просто поговорить с ними! Маленькие ублюдки! Неужели они считают ее старой? Конечно, ей не пятнадцать лет. Она просто хотела поговорить!!! Начинаящие алкоголики! Она точно знает, чем они кончат. Будут под забором валяться уже лет через десять. Тут не надо быть семи пядей во лбу. Алкаши в проекции!

Она повернулась и опять пошла к скамеечке. Сдернула пиджак. Не сидеть же теперь здесь! Вон там есть еще лавка, в глубине двора. Вся в деревьях. По траве идти модельной походкой совсем не так просто! Но она должна постараться. Пусть видят!!!

На нее никто не смотрел.

Она рухнула на лавку. Как устали ноги! И никого. Скучно.

Все, все ублюдки. Ни одного человека вокруг. Как же она всех ненавидит! Не пригласить ее на свадьбу!!! И кто?!! Самая что ни на есть родная кровь! От этой мысли в висках зашумело и застучало. Ведь у нее же нет больше никого. Хотелось плакать, но слез почему-то не было.

– Во рту пересохло, – сказала она вслух, хотя рядом никого не было. Поискала глазами. Нету. Вздохнула. Ноги гудели. Конечно, целый день на жаре! Ломило под правой лопаткой. Проклятая жара! Очень нужна ей эта их свадьба!!! Сам факт. Что не пригласили.

– Ох!

Вернуться домой? Там Лешенька. Добрый он. Хотя подумать – она никогда его по-настоящему не любила. Он маленький-маленький. Личико мелкое, страшенькое...

Нежная грусть прорвалась, наконец, слезами. Именно потому, что она никогда его не любила...

Ублюдки вонючие!!! Еще дети называются! А эти старые – что, лучше?!!! Она посмотрела на мужиков, сидящих за домино.

Они были уже солидно «под шафе», но никто не смотрел в ее сторону...

– Фу, старперы вонючие...

Хоть бы глоточек. Духота. Как они могли?! Родная сестра!!! Она никому не нужна... Лучше бы ей умереть. Прямо сейчас. Вскрыть вены... Все равно ее никто не видит...

Порылась в сумочке. Достала простой станок.

Это для Лешеньки... Она и не знала сама, зачем купила... Теперь понятно.

Повертела его в руках, развинтила. Последний луч блеснул на лезвии...

А вдруг там, на свадьбе, она кого-нибудь встретила бы? И там наверняка был бы он, ее второй муж, Гера, Герман, бог Гор, как она звала его про себя... И Лешенька бы снова ревновал ее!.. Ублюдки!!!

Сердце стучало, затылок ломило...

Как далеко отсюда до дома. Два автобуса. С пересадкой... Там Лешенька... Перед глазами что-то мерцает. Это от усталости. Или от жары. Где же ее прохладительный напиток? Его подали ей прямо из холодильника... Она хотела приподняться, но поняла, что сил просто нет... Так и осталась сидеть.

Она и сама не поняла, как приехала сюда, в свой родной двор. Ни одна бабка ее не узнала. Она слишком хорошо выглядит, вот почему. Она сидела и смотрела то на свои стройные ноги, то на старые, до боли знакомые окна. Когда-то это был их дом... Не так уж и давно. Здесь все восхищались ее красотой, здесь она единственный раз по-настоящему полюбила... Но была ли любима? «Кого хочу – не знаю, кого знаю – не хочу» – фу, гадкий юмор... Просто ноги сами привели. А зачем? Неизвестно.

Как душно! Не продохнуть. А ведь вечер уже.

Так и осталась сидеть. С лезвием в пальцах.

– Рыба!

Звонко щелкнула костяшка домино о линолеум стола.

Над белым запястьем последним лучом солнца сверкнуло лезвие.

Когда стемнело, мамыши увели детишек домой. Усталых, но довольных проведенным в песочнице временем. Хотя, конечно, уходить никогда не хочется. Всегда кажется рано... Уходить всегда рано...

Тени потускнели, исчезли в сумраке.

Двухлитровая бутылка осталась стоять на песке.

Она быстро поняла, что на свете существует ее копия. Точная. Вплоть до родинки за правым ухом. И не отражение в зеркале. Отражение она любила – оно делало все, что она хотела. В точности. А сестра – Людка-селедка – повторяла все за ней бездарно. Повторюшка – дядя-хрюшка. Так она ее всегда дразнила. Все игры выдумывала всегда она, Лида. Еще в детстве она услышала, что ее полное имя – Лидия. Оно показалось ей созвучным с «лебедем». Целая их стая была нарисована в тонкой книжечке «Гуси-лебеди». Они казались ей очень красивыми. Себя она представляла летящей вместе с ними. А еще она придумала, чтобы ее звали Ли. И строго приказала Людке придерживаться этого.

Она верховодила всегда и во всем. Когда родителей не было дома. Людка-селедка всегда была у нее в прислугах. Ей самой нравилось, когда Лида приказывала принести ей что-нибудь или сделать ей прическу. И такая она была выдумщица – ей самой никогда не додуматься. Например, Ли придумала разбросать по полу диванные подушки, валики – как острова. И так, по ним, путешествовать по дому. С условием, что нельзя касаться пола. Как весело было прыгать с дивана на кресло, с кресла – на подушку. Оттуда один прыжок на дверь, уцепиться за ручку и – дверь уже стремительно мчит тебя к другой подушке... Когда же приходили родители и спрашивали, кто это сделал, Ли гордо отвечала: «Я!». Родители ее почему-то не ругали, как наказали бы Людмилу. Они смеялись. И чуть ли не готовы были играть вместе с детьми. Вот это да!

Ли с детства любила, обожала свое отражение. Она уже в шесть лет могла час простоять, разглядывая плавный изгиб своего носика и широкий разрез глаз, опущенных негустыми, но длинными ресницами. Однажды она ехала в автобусе с мамой и сестрой. Людка-селедка смотрела в окно. А Ли – на людей. Они казались ей куда интереснее любого пейзажа. Напротив, лицом к ним, села молодая женщина. Ли словно в сердце кольнуло: женщина была красива. Вдруг подумала совсем не по-детски: «Ерунда! Я буду еще лучше, когда вырасту. Я и сейчас лапочка. Все говорят». И Ли попыталась восстановить в памяти свои черты и сравнить их со взрослой незнакомкой.

Иногда к ним приезжала тетюшка из Москвы. Когда волею командования их семья ютилась где-нибудь неподалеку. Ли всегда считала ее очень занудной. Людка же радовалась пряникам, невиданному торту «Птичье молоко» и конфетам, которые та привозила. Тетка всегда одинаково их целовала и восклицала всегда одно и то же:

– Как выросли. И до чего похожи!

Вот за это Ли ее и не любила.

А дурочка Людка-селедка так и расплывалась при этих словах. А ведь слышала их – тысячу раз!

Отец дарил им одинаковые игрушки. Чтоб не обидно. Ли всегда отдавала свою игрушку сестре. Не нужно ей одинакового! Пусть лучше ничего не будет! Людка радовалась дубликатам пупсиков, колясок, заводных обезьянок...

Отец удивлялся: одна дочь всегда довольна, другой – никогда не угодить... Близняшки – а какие разные.

Ли ненавидела свою одежду. Даже колготки мама умудрялась брать одинаковые! Что только маленькая Ли не выдумывала, чтобы отличаться от сестры. То резинку какую-нибудь себе для волос изобретет, то воротничок у мамы из гардероба стащит... А однажды она выкрасила желтой масляной краской свои новые туфельки и обрезала пополам платье, превратив его в «юбку».

Чьи чужие руки теперь держат ту старую фотографию, на которой девочки стоят по обе стороны от мамы после праздника 1 Мая в каком-то шахтерском городке с военным гарнизоном? Сестры в одинаковых костюмах украинских крестьянок с пестрыми лентами в волосах и со стеклярусными елочными бусами вместо настоящих... Ли смотрит чуть исподлобья. Людка улыбается во весь редкозубый детский рот.

Еще сестры играли в принцесс. Только принцессой всегда была Ли. А Людка – ее служанкой. Из старой марли соорудили шлейф для Ли. Людка торжественно несла его сзади. Коронай ей служили мамины бусы. Удивительно: в старой марле Ли была такой хорошенькой... Пыльный пожелтевший кусок материи ее не портил. Потому что ступала она, как настоящая принцесса!

Людка, в свободное от обязанностей служанки время, нянча своих одинаковых пупсиков, представляла себе, что у нее родились двойняшки... А иногда, втихаря от сестры, надевала ее марлю и бусы. Но, хотя лица их были неотличимы, странно – ей наряд совсем не шел...

Уже в детстве Ли, бывало, доходила до такого раздражения на сестру, что пряталась где-нибудь в доме. Ее сердила не просто тупость Людки или ласковый нрав ее. Нет. Бесил сам факт существования точной копии. И то, что копия эта так недотягивает до нее самое... Чтобы скрыться, выбирала такие места, – никто найти не мог. Сидя в каком-нибудь чулане или шкафу, реально представляла себе, что бы она сделала с Людкой. То сестра падала у нее с лестницы и разбивала лицо до неузнаваемости, а потом Ли ходила к ней в больницу навещать. То Людка смертельно заболела скарлатиной, и Ли оставалась единственным ребенком в семье... Вариантов ее мечтаний было не счесть, благо что-то, а фантазии у Ли не отнять.

Однажды Ли и вовсе сбежала. Случилось это аккурат в один из приездов московской тетушки, которую Ли так не жаловала, совпавшим с их с сестрой одним на двоих днем рождения... Это был для Ли вообще худший день в году. Она потом на всю жизнь сохранила стойкую ненависть к дню своего рождения и к праздникам вообще, отмечая каждую горькую дату по-своему...

Итак, Ли убежала. Серьезно. Навсегда. Она подготовилась к жизни: захватила с собой свою марлеву фату – замуж выходить. Ли сначала долго бежала, куда глаза глядят. Одинаковые дома окружали ее. Они были большие, а она маленькая. Но страх не мог остановить ее. Родители должны понять! Она не хочет!!! Не могла она родиться в один день с этой дурой Людкой! Гнев душил ее. Пусть поплачут теперь без нее!!! Людка не будет иметь все игрушки по две, а тетка не сможет восклицать: «Как похожи!!! Одно лицо». Все. Все. Пусть живут без нее. Вот бы заболеть скарлатиной! Это было бы лучше всего.

Но вдруг Ли остановилась. Любопытство ударило мыслью: а как они там без нее плачут? Как бегают? Вот бы посмотреть. И она повернула. Плутала Ли долго. К вечеру пришла к дому. Отец сидел на лавке, видимо, обежав за целый день все районы вокруг. И не один раз. Сидел и плакал.

Повзрослевшая Ли сдернула с сестры изящную шляпку.

– Это мое!

Волосы у сестер отросли. Но только Ли умела хитрым образом скручивать их так, чтобы волнистая прядь свисала от пучка. Очень изящно. Люда, как ни старалась, повторить прическу сестры не могла. Ли тихо радовалась в душе. Повторюшка – дядя-хрюшка.

Они собирались в школу. И, как обычно, ссорились. Точнее, ссорилась всегда Ли. Людка молчала. Но она сама виновата. Эту шляпку она, Ли, своими руками смастерила. Ни у кого такой не было. К мрачному однотипному пальто прямого кроя так шла «таблетка» с вуалькой. Даже пальто переставало смотреться топорно.

Ли была пронзительно, уже не по-детски красива. А Люда, хотя каждая черточка лица была полной копией Ли, каким-то непостижимым образом – нет...

Они толкались перед большим зеркалом в небывало просторном по советским меркам коридоре четырехкомнатной квартиры.

На излете жизни эти подмосковные хоромы были дарованы властью их отцу, Конорскому, кадровому военному. За то, что всю жизнь мотался по гарнизонам по всей стране. Был он чистокровным поляком. Отставной полковник танковых войск, отец теперь устроился на чиновничью должность в Архив Министерства Обороны, который как раз и был в их подмосковном городке. И от дома недалеко – четыре остановки на любом из двух автобусов.

Учились сестры плохо – с троечки на четверочку. Но мать их всегда защищала: сколько школ сменили! Иногда по два раза в год!

Ли терпеть не могла зубрить. И сидеть за партой, ожидая, что будешь молчать, когда спросят. Зато одноклассники относились к сестричкам снисходительно.

Красота Ли произвела небольшую сенсацию не только в их классе, а и во всей школе. Ли всячески старалась показать, что она скромная и словно бы не осознает тех жадных взглядов, которыми ее провожают молодые люди. Она знала, что так прилично поступать, а кроме того это так радует учительницу физики – старую деву...

Они перешли в последний, десятый класс. Урок строевой подготовки проходил на улице. Бабье лето сговорилось с солнцем о тепле, поэтому все стояли просто в формах. Девочки никак не могли построиться. А ведь это так просто – встать в линейку и замереть смирно. Молодые люди стояли ровно, но перешучивались о чем-то между собой, подталкивали друг друга, заставляя выйти из строя на шаг вперед. Все были рады встрече после лета. Стоял гомон и смех. Две шеренги – девочки отдельно, мальчики отдельно – стояли напротив, а потому кто-то в шутку затянул: «Бояре, вы почему к нам пришли...»

Вдруг Ли случайно встретилась глазами с одноклассником Женей. Его глаза смеялись. Не ей, просто так. Но оказалось, что ей. Просто удивительно, как он вырос за лето! Мягкими неторопливыми движениями он чуть напоминал широколаплого медвежонка. Черты лица были нечеткими, как бы расплывшимися. Но при всем этом жутко симпатичными.

Приказ военрука: «Р-р-равняйся! Смир-р-рна!» заставил Ли отвести глаза. Смотреть на Женю она уже не могла. «Глаза заболят!» – одернула она саму себя.

Она еще много раз встречалась с ним глазами: на уроках (они сидели на последних партах через ряд, поэтому им не надо было оглядываться, достаточно было просто повернуть голову), на переменах, в столовой, на физкультуре. Правда, Женя почти всегда не занимался. Он сидел на лавке в школьной форме и жадно смотрел, как Ли делает угол на шведской стенке, отжимается от скамейки, крутится на брусьях и влезает по канату...

А потом Ли стало скучно. Она перестала смотреть на Женю. Он ей не разонравился, нет. Она просто теперь не смотрела на него. Ей было забавно: что будет?

Женя стал оказывать явные знаки внимания Людочке. Сестра прямо светилась от счастья несколько дней.

Сначала Ли жутко расстроилась. Ей в голову стали приходиться странные мысли о том, что вот умри она сейчас, Женя себе этого не простит. Она даже представляла, какая она красивая будет лежать в гробу. И как он будет рыдать и надрываться, не в силах отойти от гроба, который в конце концов надо закопать! А он не может оторваться от нее!

Но Ли даже мимолетным движением не выдала, что невнимание Жени ее задевает. Она все поняла. И в ус не дула. Хитрый лис, тоже мне! Ее не проведешь. Если ты так, мы вот эдак!

Вот что Ли придумала.

Учителю английского было за сорок. Но он был высок, строен, умен и рассказывал массу интереснейших вещей, которых нельзя было прочесть в газетах.

Ли, зная цену своему очарованию, несколько раз опаздывала на его урок. Она прибежала чуть запыхавшаяся, сияющая и юная. Улыбалась виновато и ласково. Заложив руки за спину, чуть наклонялась вперед, раскачиваясь на мысках. Один взмах ресниц – и учитель был в ее власти. Он стал снисходителен к ее «фенькью, эскьюс ми, мазэ и фазэ». Она видела его ответную, легкую улыбку, слышала: «Сит даун, плиз, Лидия», и пробегала мимо него,

скользя по полу почти на цыпочках. Исподтишка наблюдала за Женей. Она безошибочно рассчитала: он сможет справиться с ревностью к сверстнику, но настоящий взрослый мужчина – это и настоящий соперник.

Женя старался сделать все, чтобы Ли, наконец, сменила гнев на милость. Его привычной позой на уроке стала рука под головой, почти лежа на парте, повернувшись в ее сторону... Нежный профиль с хвостиком из пучка мучил его снами. Ли постоянно сталкивалась с ним в коридоре нос к носу, постепенно начиная подозревать, что он специально так подгадывает...

Ей нравилось его мучить. Она испытывала истинное блаженство, не сравнимое ни с каким взглядом его глаз, когда боковым зрением видела его полулежащим на парте, перехватывающим ее взгляд на учителя или следящим за ней на физкультуре... Вот именно. Удовольствие было куда больше. И в то же время он ей нравился.

Однажды они столкнулись с ним на углу прямо лбами. Прозвенел звонок. Она бежала в столовую. Он – в класс. Оба взвыли от боли и разбежались.

Женя принес в школу крошечное зеркало, помещавшееся в его широкой ладони целиком. Ловя весеннее солнце, пускал зайчик в лицо равнодушной Ли. Но, стоило ей повернуть голову, чтобы «поискать» нарушителя спокойствия, зеркальце исчезало в его ладони, а в глазах плясали веселые искорки солнечного зайчика. Ли прекрасно знала, кто прячет зеркало, но каждый раз изумленно оглядывалась, делая вид, что пытается понять, кто это. Игра Жене безумно нравилась. Ли тоже...

...Солнечный луч прорывается в узкую щель бритвенного лезвия. Ли смотрит сквозь него на знакомые окна. Кто-то наблюдает за ней из окна. Или ей почудилось?

...Он посмотрел в окно. Мать. Вот она. Сидит на скамейке. Положила ногу на ногу. Он вглядывался в ее лицо и ловил себя на мысли, что черты ее – чужие. Так мало он видел ее за свои двадцать восемь лет. Зачем пришла? Какое-то пальто старое умершей матери, его бабки, ей нужно. Чуть какая-то. Откуда он возьмет это пальто? Его выкинули уже сто лет назад...

Женя увлекался фотографией. Притащив фотоаппарат под предлогом снимков для стенгазеты, он сделал несколько ее кадров «украдкой». Она все видела. И специально старалась принять как можно более выигрышную позу.

На школьном вечере даже в полутьме он не мог заставить себя подойти к ней и пригласить на танец. Ли двигалась очень красиво. Ее движения были ритмичны и манящи. Она знала: он смотрит на нее из темного угла. Ловит каждое движение, подаренное электрической вспышкой лампы. Металлический строб...

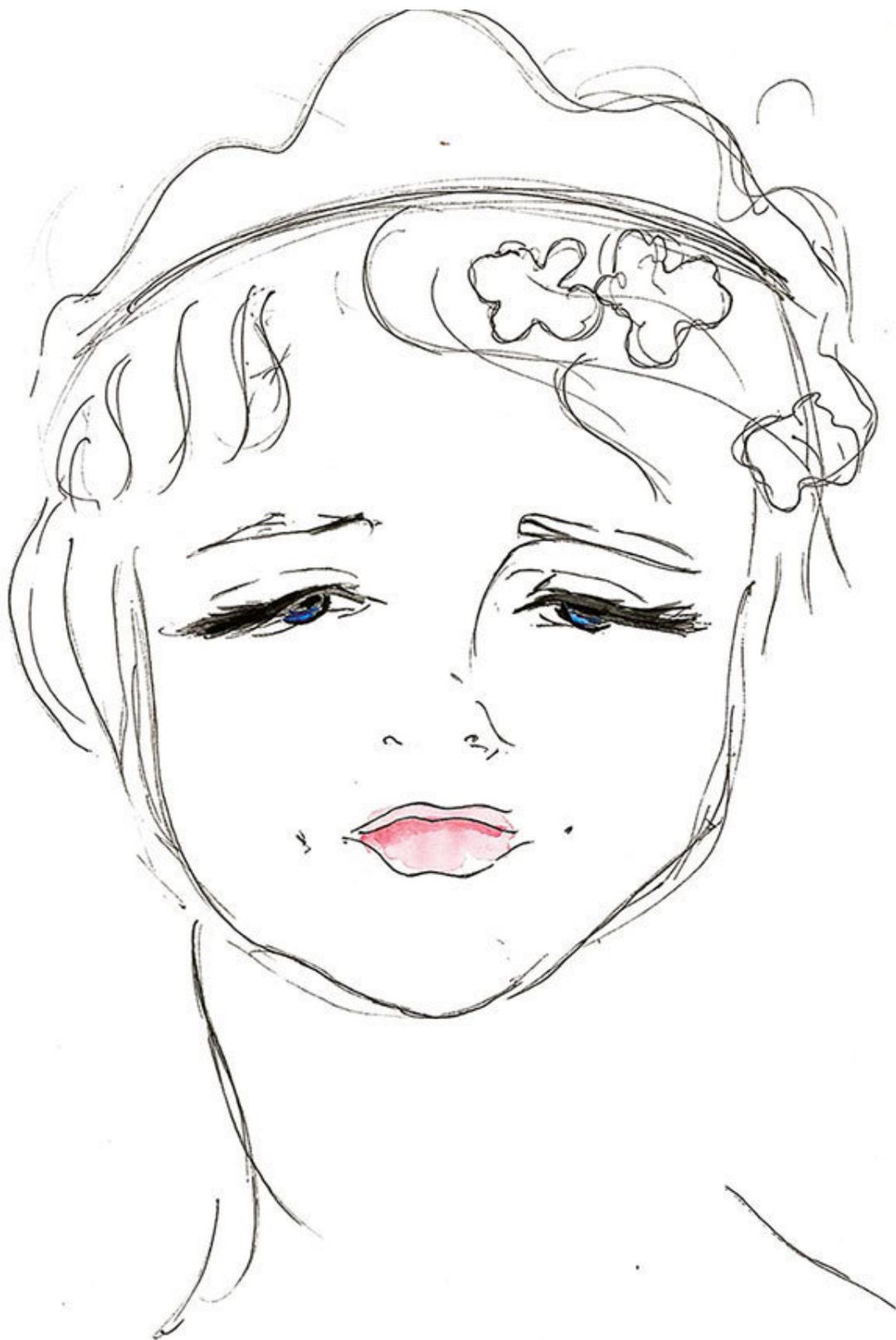
...Блеск бритвенного лезвия на солнце...

И никогда, никогда Людка не сможет так же, как она... Не видать ей сердца Жени. Он смотрит только на нее. Он не может оторвать взгляд. Как же хорошо так двигаться... и знать, что есть его глаза в темноте.

Однажды после перемены Ли обнаружила на своем столе записку. Сверху было написано: «Ли К.» Бесстыдно, быстро развернув ее, Ли прочла строчки, от которых у нее заплыли глаза. Ей стало жарко, как будто в одно мгновение она перенеслась в душный летний день. Она ничего не ответила на эти строчки любви. Сделала вид, что вовсе их и не было.

Чем больше усилий Женя прилагал по завоеванию Ли, тем больше ей нравилось ему отказывать. Иногда ей хотелось погрузиться в его глаза, отдаться его любви, но тогда она потеряет его больной взгляд! А ведь нет ничего слаще...

Только иногда она позволяла себе смотреть на него. Когда пила утром чай с молоком и стояла у окна. Он первый бежал в школу. Проходя прямо под ее окнами. В классе он будет терпеливо сидеть и ждать, повернувшись лицом к двери, когда она войдет. Чтобы схватить ее первый растерявшийся взгляд. Но пока она будет медленно потягивать чай с молоком... Однажды он поймал ее взгляд, когда она выходила из подъезда. Она не ожидала. Поэтому посмотрела. С тех пор ему удавался этот трюк несколько раз, пока Ли не решила ходить в школу позже... Поэтому она и пила чай с молоком у окна. Еще она могла спокойно разглядеть его, когда его вызывали к доске. Он тогда думал только о том, как ответить урок, и был трогательно беззащитен... Насмотревшись вдоволь, Ли снова превращалась в злую кокетку.

Школа кончилась. Сестры пошли работать официантками в ресторан «Звезда». Конечно, это была идея Ли. Отец настаивал на институте, он уже и ходы все разведal... Но Ли была упряма, а Люда ей в рот смотрела.

Их никто и никогда бы в ресторан не взял, если бы не все та же протекция отца. Людка гадала, каким образом ловкой Ли удалось его умаслить. Одно Людка знала – Ли может все!

Людке нравился просторный зал с чисто застеленными столами, убранными салфетками. Ей нравилось сервировать. А лица! Когда кто-нибудь заказывал фромаж и рябчиков, шофруа или сканцы, вряд ли представляя себе, что это вообще такое, но жадно желающий узнать, потому что звучит заманчиво, – на это стоило посмотреть!

К семнадцати годам красота Ли приобрела законченность отшлифованного куска мрамора. Недоброжелатели могли бы сказать, что расположение ее глаз, носа и губ напоминало открытку с нарисованной стилизованной кошечкой. Огромные, в пол лица, широко расставленные глаза, вздернутый крошечный носик, маленький, идеальной формы ротик. Очарованный же ею мужчина мог, пожалуй, сказать, что она напоминает ему аристократку прошлых веков, как их изображали на картинах: пухлый аккуратный рот, изящный мелкий нос и огромные распахнутые глаза.

Ли быстро освоилась на новом месте. Она умела роскошно улыбаться. Конечно, когда это было нужно и тем, от кого что-нибудь зависело. Ей безумно понравилась их форма. Белый передничек, который они накалывали на простое темное платье и белые цветы из флердоранжа в прическе делали ее похожей на гувернантку прежних буржуазных времен. Работница советского общепита. Всех ее коллег эта форма раздражала и даже унижала. Ли же чувствовала себя так, словно и родилась в ней. Она только укоротила и без того недлинный подол. Форма ей шла. Впрочем, как и любая одежда. Что бы она ни одела – ей было к лицу. Любой фасон шляп, любой крой платья, брюки, брюки, брюки... Уже в первый месяц она заработала достаточно, чтобы приодеться. Чаевые так и текли к Ли рекой. Как жаль, что ими принято делиться! Она одна приносила больше всех других, вместе взятых. А тут еще старшая официантка приревновала к ней своего бабника-мужа. И растущий из-за чаевых авторитет Ли. Ну, улыбнулась ему – такая малость! А ему приятно. Старшая устроила скандал, обвинив Ли в развратной поведении, позорящем их советский ресторан.

– Маленькая шлюшка! Задница с пятачок!

Пока старшая официантка кричала, сбежался весь персонал. Людка в ужасе ждала, что же теперь будет.

Ли спокойно смотрела на орущую коллегу и про себя думала:

«Жаба жирная. Да твоя задница не заслуживает и пинка в виде чаевых! Дура набитая. Ты думаешь, я буду с тобой твякаться? Помечтай, уродина».

Хотя она стояла спиной к двери, по взглядам окружающих она поняла, что вошел директор. Вместо того чтобы высказать свои мысли или ругаться, она изобразила такое тихое отчаяние, такие непонимающие и покаянные глаза, которые были достойны театра. Все сразу поняли – этот обиженный ребенок и не понимает, в чем виноват. Ей даже невдомек, в чем смысл этих обвинений. Одного взгляда директору было достаточно. Он хорошо знал отца девочек. В такой приличной семье не может быть «маленьких шлюшек».

– Молчать! – рявкнул он на зашедшуюся в визге старшую официантку. – Вы уволены. С тех пор с Ли никто не связывался.

Жаль, что дома вечно кто-нибудь был. Особенно Людка-липучка. Ни шагу от нее. «Ни минуты нельзя побыть одной!» – думала Ли, медленно раздеваясь. Она делала это танцуя. И заперла комнату, чтобы никто не вошел.

Трельяж отразил ее гибкое кошачье тело каждой створкой.

Ли с удовольствием рассматривала свое тройное отображение. В дверь стучали. Людка. Фиг тебе. Ли повернула одну из створок. Теперь ее отражение убегало, неисчислимо множась, вглубь зеркала...

...Лезвие бритвы отражало листву... и гладило нежную кожу...

...Так она могла стоять часами, не отрываясь от своего отражения. Что и делала часто в детстве, пока Людка нянчила пупсиков. Свое лицо она знала до мельчайшей черточки. Все выражения, капризы, улыбки – все оттенки ее настроений сначала прошли через зеркало. Так что она точно знала силу каждого своего взгляда. До чего же ладно она устроена! Неширокие, но женственные бедра, узкая талия рюмочкой, маленькие, высокие, восхитительной формы груди. Она смотрела на себя и невольно сравнивала их с двумя наливными яблоками, к которым так и хочется припасть губами... Ли вздохнула. Накинула халат. Величественно, по-королевски, покинула комнату. Распахнув дверь перед самым носом сестры.

Но через несколько секунд за Ли захлопнулась другая дверь – в ванную.

В каком-то итальянском фильме она видела, как героиня блаженствовала в пушистой пене. Увы! На советских прилавках буржуазных излишеств не было. Зато был импортный шампунь с ароматом розы, который отец подарил матери на 8 марта. Ли выплеснула в ванну все, что оставалось во флаконе. Синтетический дурман розы обнял ее.

Медленно, глядя шелк кожи, опустила в горячие руки воды. Зачерпнула пену горстями, украсила пухом груди. Красные маковки выглядывали из снежной белизны. В каждом движении Ли было любованье собой. Дунула – веселые пузырьки прыснули в стороны. Засмеялась. Бездумно, счастливо.

Лежала в ванне битых два часа.

И плевать ей было, что отец стучал в дверь и требовал освободить ванну... Она блаженствовала под его стук и возмущенные выкрики.

Вышла лениво, горделиво, расслабленно. Укутанная полотенцем. Так все иностранки делают. В итальянском фильме так и было. Отец лишился речи от возмущения ее видом.

Рухнула голая спать.

Сестра напрасно кричала и ругалась, пытаясь выжать из флакона последние капли шампуня. Ей нечем было мыть голову.

Ли младенчески спала.

Отца сестры почти никогда не видели. Вставали поздно. Ресторан открывался в два. Отец уходил на работу – они еще спали. Вечером он приходил, ел свой ужин, смотрел программу «Время» и шел спать. Часа через три-четыре, но каждый раз по-разному, возвращались дочери. Обычно на такси. Благо, зарабатывали они достаточно. Отцу очень не нравилась их жизнь, но сделать он ничего не мог. Вырастил на свою голову! Мало им было икры и красной рыбы, что таскал он по спецзаказам! Дома палец о палец не ударят! Мать все делает. И стирает, и готовит. Принесут свои объедки и гордятся этим. Стыдобушка!

Ли ненавидела зиму. Ходишь, как медведица, в шубе. Ничего под шубой не видать. Шуба была искусственная. Ли про себя звала ее «уши чебурашки». Утешало только то, как эффектно она умела сбрасывать это старье. Боже, как она ее ненавидела! Натуральный мех стоил дорого. Отец наотрез отказался покупать. Да плевать ей. Она и сама может себе купить. Но не будет. Ни за что. Пусть все смотрят – она бедная! Может, кто из клиентов купит! Будет она свои деньги тратить! Не стоит торопиться. К тому же, все натуральное, что она видела, ей не нравилось. Облезлый кролик, тяжелый мутон. Она инстинктивно чувствовала: вся эта совковая топорность не для ее прекрасных хрупких плеч. Зато у нее летящая походка. Ходить красиво Ли умела. Как манекенщица на подиуме. Мужчины ей вслед оборачивались, когда она, шлифуя каждый шаг, шла к ресторану в шубе из «чебурашки».

И так же филигранно скользила между ресторанными столиками.

Кто-кто, а Ли умела заставить клиента ждать. Об этом ее искусстве между другими официантками даже анекдоты ходили. «А что им, – говорила Ли, – Они же отдыхать сюда пришли. Вот и пусть отдыхают». Приходила именно тогда, когда клиент уже поднимался, чтобы жаловаться начальству и находился в той точке кипения, возврат из которой к перво-

начальному состоянию может продлиться до конца дня. С ленивой грацией красивой кошки она подходила. Один поворот головы на длинной шее – и клиент оседал под ее холодной красотой. Но снова начинал закипать от спрятанного за улыбкой неуловимого хамства, с которым она принимала заказ. Вроде бы и пожаловаться нельзя, и противно, как будто в душу плюнули.

Девушки-коллеги завидовали Лидии: с ней постоянно происходили романтические приключения: письмо в почтовом ящике с признаниями в любви, розы, загадочно появившиеся в еще пустом ресторанном зале... Все это было банально, но происходило только с Ли!

В сущности, окружающие были для нее блеклыми, невзрачными тенями, она видела их, словно сквозь дымку. Но в то же время больше всего на свете она любила ловить восхищенные взгляды. Профессия ее полностью соответствовала этой ее склонности. Официантки всегда на виду. За красивые глаза она собирала чаевых больше всех. Ей так завидовали товарки! А чего тут завидовать? Похотливое мужичье! Она умела поставить их на место. В следующий раз были как шелковые, только смотрели жадными восхищенными глазами. Ох, как же ей нравилось их доводить! Она буквально питалась их отчаянием и жгучим желанием, как другие питаются колбасой и картошкой.

Как и следовало ожидать, Ли первой из двух сестер потеряла девственность. Не по любви. И не из любопытства. В глубине души она всегда знала, что работа официанткой для нее – только трамплин в высший свет. Видит Бог, она была достойна всего самого лучшего. Таких ног, как у нее, не было во всем городе! А о шарме и говорить нечего. Ли чувствовала, что способна затмить Париж. Вот только как туда добраться?

Работать, в отличие от дурочки Людки, она не любила. Рабство, вот что это такое. И слово «работа» произошло от слова «раб».

Конечно, поклонников у нее было полно. Но, как назло, все не те. Ходил один уголовник и смотрел тяжелым взглядом. Потом исчез. Может, посадили, может, явки сменил. Или обычные, ничем не примечательные мужики. Голытьба! Нужны больно! Ли как видела под ногтями грязь, так вся покрывалась коркой холодного презрения. Добиться даже одного ее взгляда было уже невозможно.

Но самым прилипчивым оказался один инженеришка. Видно же, что беден, как мышь, а туда же! Ногти, правда, были чистые. Пальцы длинные, как у аристократа. С первого же раза Ли выяснила, кем он работает. Как узнала, что инженер – интерес ее к нему сразу иссяк. Он приходил и заказывал всегда какую-нибудь мелочь – кофе, например. Ли аж мутило, что ради такой ерунды она должна обслуживать стол. Тощий, высокий. Лицо узкое, как у Эль Греко. И глаза страдальческие, грустные. Нос с горбинкой. Не красавец. Первое время он все пытался заговорить с ней. Ли отвечала ледяным молчанием на личные вопросы, и односложно – на заказ. Какие с кофе чаевые? Он никогда не оставлял на чай ничего, кроме молящих взглядов. Ему она не улыбалась. Потому что он был премерзким типом. Караулил ее после работы. Она много раз видела его фигуру во тьме ночи, маячившую в любую погоду рядом с рестораном, когда она выходила после работы. Хорошо еще, что Людка-липучка всегда рядом! Неужели выспаться неохота? Ему же завтра на работу! Придурок. Цедил свой кофе он с убийственной медленностью. Каждый глоток растягивал, словно эта чашка кофе была его последним желанием и его ждала казнь после того, как он ее допьет. Но однажды он Ли удивил. Как обычно, она брякнула на стол перед ним блюдце с пирожным и кофе. И ушла, не отвечая даже на его вежливое приветствие и «спасибо». А когда вернулась со счетом, на столе лежал лист бумаги. Ли чуть счет не выронила. Это был ее портрет. Инженеришка смотрел на нее выжидательно и моляще.

– Это вам. Может, сходим в театр? – едва не задыхаясь от волнения, прохрипел он.

Ли взяла в руки портрет. Она красива, спору нет.

– Не хотите в театр? – расценил ее молчание инженеришка. – Тогда, может, в ресторан?
– В ресторан?!

Ли чуть со смеху не лопнула. Ее – в ресторан! Вот умора!

От природы у инженера был бронзовый цвет лица с едва уловимым зеленоватым отливом. Очень странно выглядел на таком лице румянец. Он смолчал.

Уходя, Ли бросила: «спасибо за портрет». Вот коллеги обзавидуются! Она всем портрет показала. «Ну и ну! Похожа!» – говорили все. На обороте было его имя и слова любви. Ли всем дала прочитать. «Мне жаль, что вы не хотите говорить со мной. Поэтому я вам пишу. Меня зовут Андрей Прохоров. Своим равнодушием вы не оставили мне выбора. Я люблю вас. Выходите за меня замуж».

– Знаете, куда он меня пригласил? В ресторан! Вот развлечение, да?

– Он ничего. Молодой, – говорили ей. – Влип в тебя – по уши. Пойдешь за него?

– Еще чего.

Андрей Прохоров не сразу понял, почему так пялятся на него все официантки. А когда понял, рванулся и ушел. Исчез он надолго. Но прошло месяца полтора, и его снова увидели на привычном месте.

После этого случая Ли стала просить других официанток обслужить инженеришку, когда он садился за «ее» стол. Он ничего не мог понять. Каким это образом поменяли столы? Куда бы он ни сел – Ли не принимала заказ.

Наконец однажды Ли поняла, что способ вырваться в люди есть.

...Он был еще нестар. Лет сорок пять. Солиден. С увесистым брюшком. Взгляд властный, но в то же время какой-то мутный, неустойчивый, словно задерживать на ком или чем-либо свой взгляд он считал слишком обременительным для себя. Начальник крупнейшей в городе промтоварной торговой базы. Жены у него не было. Во всяком случае, все усилия Ли по ее выявлению были напрасны. Вадим Соломонович. Он и стал ее первым мужчиной. Колечки, браслетики, импортные шмотки.

Когда он приходил в ресторан, то всегда садился за «ее» столик. Ему не потребовалось много усилий, чтобы соблазнить девочку-конфетку, достойную Парижа. После того, как она узнала, что он – начальник базы...

Ли вскоре поняла, что Вадим Соломонович (а она именно так его всегда и звала) очень ей нравится. Нет, кроме шуток. Не за шмотки и колечки.

Жест толстыми пальцами, которым он подзывал официантку, загребуший какой-то жест, почему-то волновал ее. И было больно, если он звал так не ее, а какую-то другую девушку. Жест у него был один. На всех.

Зная, кто он, начальство позволяло Ли немного посидеть с ним вместе. Вадим Соломонович всегда заказывал для нее шампанское. Или хорошее грузинское вино. Самое лучшее, которое для него всегда было в этом ресторане.

Вадим Соломонович видел, как шампанское кружит голову девочке. Ли быстро пьянела... И становилась еще очаровательнее.

– Балерина! – восклицал солидный любовник.

Она не несла чушь, не была ни весела, ни грустна, не становилась ни на каплю развязнее, но оторвать взгляд от нее было невозможно. Она мягко и призрачно светилась. Никакое фото не могло бы передать особую, только ей свойственную туманность в широко расставленных глазах.

Сама она чувствовала, как растворяется усталость в ногах, каблуки становятся продолжением ног, расслабляются, влюбляются друг в друга неторопливые мысли. И больше ее ничто не раздражает. Ни шуба из «чебурашки», ни Людка-повторюшка, ни отсутствие в магазинах розовой пены, ни ресторанное рабство... Она сидит рядом с человеком, кото-

рый выведет ее в «свет», сделает ее королевой, милый, милый... Ли смотрела в его широкое одутловатое лицо, искала искорку в туманных глазах и думала, что они чем-то похожи, но не формой глаз, а взглядом... «Это мой мужчина. Мой. Это ОН».

Но главное – сколько бы она ни пила, на утро была свежей. Она искренне не понимала людей, у которых болит от выпивки голова или того хуже – тошнит!

Ли много раз просила Вадима Соломоновича купить ей шубу. Он обещал. «Поступает всякая чепуха. Ничего, достойного тебя, лапуля. Но, как придет, будешь ты у меня в шинилле».

Еще они планировали летом в Прибалтику, на весь отпуск. Вадим Соломонович, правда, не говорил, что собирается на ней жениться, но это как-то подразумевалось само собой в их отношениях. Ли часто думала о свадьбе. Приглядывалась к платьям, хотя и думала: «Пожалуй, не стоит. В том, что висит здесь, замуж выходят все подряд». Во всем остальном Ли продумала всякие мелочи. Даже потренировалась красиво расписываться.

Они летали «в Сочи на три ночи». С пятницы по понедельник. В начале мая там уже было жарко, но не душно, потому что дожди еще не начались. Ли была на седьмом небе.

Однажды Вадим Соломонович взял Ли на пикник. И сестру ее пригласил. Сколько Ли ни уговаривала его не брать Людку с собой, он почему-то уперся. И сказал, что ТАМ они себе никаких глупостей позволять не будут. Но если она не хочет, может не ехать. Провести выходной с любимым было для Ли столь заманчивым приглашением, что она, скрипя сердце, согласилась на Людку.

Пикник прошел удачно. Для всех, кроме Ли. Людка, конечно, была в восторге. Она бегала по траве, как дитя природы, и всем уши прожужжала, как она наслаждается свежим воздухом и солнышком. Компания была совершенно мужская, если не считать сестер. Солидные дядечки – торгаши, директора, начальники – относились к ним, как к детям. Людка этому и соответствовала. Ли же была не в своей тарелке. Хотя она и видела косые взгляды мужчин, но никто настоящих авансов ей не делал. Все как бы обходили ее стороной: дети они и есть дети. Из чистейшего озера один за другим вытаскивались изящные форели и жирные карпы. Ли только диву давалась. Их отец всегда приносил в судке только тощих уклеек.

Ли попыталась было уединиться с Вадимом Соломоновичем, но встретила решительный отпор. Он так посмотрел на нее... что у Ли вся душа внутри перевернулась. Как он мог так смотреть на нее?! Начальственно, как на кладовщицу своей базы...

Был конец мая, но вода в озере была еще холодная. Ли разделась до невесомого купальника и нырнула. Людка трогательно упрасивала ее не делать этого, но разве Ли согласишься? И отказывалась вылезать. Плавала, как ни в чем ни бывало. С грацией русалки, так же, как и ходила. Полагая, что все должны любоваться ее движениями. Губы стали совсем синими.

Ей хотелось утонуть. Так ей было гадко.

– Да она с придурью, – сказал один начальственный муж другому, нехорошо усмехнувшись, повертев потихоньку пальцем у виска и кивнув на Вадима Соломоновича. – Точь в точь, как и родственничек.

Вадим Соломонович ходил вдоль берега злой и красный.

Удружила! Артистка... Балерина! Тит твою...

Вдруг Ли стала захлебываться. По-настоящему.

Людка хотела броситься к сестре-близняшке. Ее удержали силой.

У Ли свело ногу. Она испугалась, что может вот прямо тут умереть. Тонуть расхотелось. Инстинкт взял свое. Выкарабкалась сама. Никто из солидных дядечек в воду не полез. Вадим Соломонович, правда, услышал урек:

– Ну что же ты? Твоя же племяшка тонет!

Ли напоили водкой. Она порозовела, похорошела и успокоилась. Всех спиртное возбуждает, а ее – всегда успокаивало. Как молоко матери.

Возвращались на четырех черных «Волгах».

Обратно Ли ехала, тесно прижавшись в машине к Вадиму Соломоновичу. Ей было очень хорошо. Она вдруг подумала, что сию секунду – самый счастливый момент в ее жизни. Горячая водочка растекалась по жилам. Вадим Соломонович сидел, как истукан, не шевелясь. Ли играла его поясом на брюках. Людка, сидящая по другую руку директора базы, как всегда не отрывалась от окна. Шофер смотрел только вперед, выбирая кочки поменьше на сельской дороге.

Ли подумала, что она, конечно, ошиблась. Ей показалось, что он так посмотрел на нее... В данную волшебную минуту она была просто уверена, что ей показалось...

Но ей не показалось. В один прекрасный день Вадим Соломонович привел в ресторан свою жену. Ли на негнущихся ногах принимала у него заказ. И смотрел начальственно. Как на последнюю тряпку. Коллеги шушукались и посмеивались за ее спиной. Когда Вадим Соломонович желал закончить свой очередной роман, он вытаскивал на свет божий свою жену. «Жена – отличная вещь, я вам скажу. Когда надо – сидит дома, пироги в духовке парит, когда надо – нате вам, прошу любить и жаловать. Женат! И точка».

Ли напилась. Нет. Напилась – не то слово. Она хотела выпить столько, чтобы уснуть. Навсегда. Не хотела она видеть мир. Она знала, что если выпить слишком много, могут и не откатать. Что она и проделала. Но ей не повезло. Надо было в одиночку пить, а она – в ресторане. Посудомойка нашла Ли. Врачи вытащили с того света. Неделью в больнице – и домой. После такой встряски легче вроде и не стало, но, победив смерть, она смогла думать о чем-нибудь другом, кроме своего возлюбленного.

Одно за другим! Тут еще Людка – Людка!!! – надумала замуж идти. И пригласила ее в свидетельницы. В свидетельницы! Какое унижение! Ли во всем привыкла быть первой. Она была уверена, что и замуж выйдет первая. Но с другой стороны, чему тут завидовать?

«Господи, где она такого уroda выкопала?» – думала Ли. Простой рабочий. Под ногтями, конечно же, грязь. На лице – дебиловато-радостная улыбка. Вечно голодный. А тощий! Сирота казанская. Детдомовский, кажется. А фамилия! Козловский! Кто ему только такую в детдоме дал! Дура сестра. По нему же сразу видно – он никогда никем не станет. Так и останется бревном, дубиной, как есть сейчас. А Людка скоро будет нянчить своих пупсиков. Настоящих. Но самое смешное – Людка ушла из ресторана. К нему, на завод! Укладчица, или как ее там...

Свадьба была в родном ресторане. Все свои. От этого Ли было еще противнее. На всех фотографиях так и осталось ее кислое лицо. Когда она была недовольна, то смотрела чуть исподлобья, надувая губы, что придавало ей легкое сходство с овцой. Особенно в профиль, потому что подбородок у нее был невыразительный, скошенный.

Ох, и напилась же Ли на свадьбе сестры! Она помнила все только до определенного момента. Помнила, как поднимали тост за будущее детей молодоженов, орали «горько», потом кто-то стал пить за день работников общепита, помнила, как инженеришка маячил за окном на своем обычном посту, помнила, как упала, закружившись в танце... Проснулась в незнакомой квартире.

Коммуналка. Кто-то хлопал дверями, ругался на кухне... Во рту было нестерпимо тухло. Голова еще кружилась. Бедняцкая, почти казарменная обстановка холостяцкого жилья. На крашенной стене висел... ее портрет. Незнакомый мужик сидел за столом спиной к ней. Из одежды на нем были только трусы в социалистический цветочек. Вдруг он обернулся. Благородные тонкие черты озарила виноватая улыбка.

– Доброе утро, – вежливо сказал он.

«Инженеришка!» – мелькнуло у Ли.

– Меня зовут Андрей.

Она вскочила, закрываясь простыней. Он расхохотался.

– Да ты не смущайся!

Теперь она увидела, что он ел из железной банки зеленый горошек. От вида еды ей чуть не стало дурно. Он усадил ее.

– Ты сиди. Я за водой сбегаю.

И исчез за дверью. Когда он пришел, Ли уже была полностью одета. Она хотела бежать. Он загородил собой дверь. Вода из стакана расплескалась. Он брякнул его на первую попавшуюся поверхность. Задвинул щеколду и быстро, умело начал раздевать ее. Сама не зная почему, Ли не стала сопротивляться. И дело было не в том, что сил не было. Навалилось какое-то странное оцепенение, когда он гладил ее затылок, одновременно расстегивая кофту. Голубые его глаза стали совсем черными...

Пока он без сил лежал на кровати, Ли, мучаясь жаждой, схватила стакан с остатками влаги. Сделала большой глоток, задохнулась... В принесенном Андреем стакане была водка...

Она вышла за него замуж. Зачем? Просто вышла и все. Не могла иначе. Андрей заворожил ее своей страстностью. И Ли подумала: «А вдруг это ОН?»

Первой странностью мужа оказалось то, что он попросил, чтобы на свадьбу она надела те цветы из флердоранжа, что носила в ресторане. Ли долго не сопротивлялась его желанию. Ей было все равно.

Андрей переехал в их дом. В большой квартире теперь было не повернуться. Мать, отец, двое дочерей со своими мужьями. Поэтому все чаще отец уходил на рыбалку...

Людка ходила беременная и гордая, как курица.

Им с Козловским скоро дали квартиру. От завода. Район, в котором был их новый дом, был экологически неблагополучным. Квартира на самом верхнем, пятнадцатом этаже! По тем временам – небоскреб. Из окна страшно выглянуть. Но своими квартирами не бросаются. Они переехали.

Ли тоже была беременна. Но вовсе не испытывала по этому поводу чувств, которые составляли весь смысл Людкиных разговоров. Более того, слушать радостное кудахтанье сестры ей было нестерпимо противно. Как ее тошнит – «это он растет». Как у нее бывает изжога – «это от волосиков». Как он начал биться – «словно бабочка!» Иногда Ли запиралась по старой памяти одна в комнате, раздевалась и с ужасом разглядывала себя в любимом трельяже. Уже на первом месяце ее чудесная талия исчезла, как выдумка. Лицо подурнело, стало напоминать Людкино до беременности. Тоска! Ли охватил страх. Такая она может разонравиться даже мужу!

Она быстро поняла, что у Андрея своеобразный нрав и скверные привычки, бросать которые он вовсе не собирался. Он привык есть где угодно, только не на кухне. Поев, он оставлял все как есть там, где закончил свою трапезу. В постели, на ковре в гостиной, на подоконнике... Однажды Ли обнаружила огрызок, аккуратно лежащий на полу в туалете. Фантики от конфет, обертки от плавленых сырков и просто крошки... Все это она должна была ежедневно убирать. Андрей вставал всегда раньше нее, привыкшей к ресторанному распорядку. Он требовал завтрак в постель. Сначала было еще ничего. Это был просто завтрак. Но, по мере того, как живот Ли рос, Андрей становился все грубее, а требования его все «смешнее». Он хотел, чтобы Ли подавала ему завтрак непременно в том самом платье с белым передничком, в котором до беременности работала в ресторане. Ли считала это милой причудой и соглашалась. Короткая юбочка жалко топорщилась на животе. Флердоранж украшал отросшие темные корни волос блондинки Ли. Но фантазии Андрея шли все дальше. Теперь он платил ей, как шлюхе. Платил за завтрак в постель, платил за постель...

Копейки. И это были ее единственные деньги, так как позволить себе лезть в кошелек отца она не могла.

Ли знала одно: она хочет, хочет, хочет, чтобы Андрей любил ее. Эта жажда росла в ней вместе с животом. И чем тяжелее ей было нести бремя, тем больше хотелось любви. Хотелось, чтобы он ее пожалел, ну, просто погладил по голове... Андрей никогда этого не делал. Он заставлял ее готовить и стирать отдельно от матери. Он ее дрессировал.

Ли теперь часто плакала. Она не могла любоваться собой, на нее не смотрели мужчины...

Она ненавидела этот живот! Всем своим существом.

Однажды она вышла погулять. Бездумно шла. Ничего «не видя» вокруг себя. Вдруг резкий звук тормозов. Падение.

Все обошлось. Ли отделалась испугом. Чудом, ее едва задело. Мужик выскочил из машины и рывкнул матом. Потом увидел, что беременная, и замолчал.

А Ли была в каком-то странном оцепенении, и чувств – никаких. Только смутная досада. И презрение к водителю, протягивающему к ней руки, чтобы поднять с асфальта...

Однажды мать вернулась с работы утром. Застала дочь голую в одном передничке на стоящем колом животе, рыдающей над червонцем.

Мать выгнала Андрея.

Вернувшись с работы, он увидел свои вещи – хилый чемодан и чертежи, испещренные неприличными рисунками – выставленными за дверь. Он ушел, чтобы никогда не вернуться иначе, как алиментами.

Ли родила мальчика. Выяснилось, что она полностью сохранила свою фигуру. Уже спустя месяц Ли снова почувствовала себя если не счастливой, то хотя бы любимой самой собой. Она влезла во все свои старые шмотки. Они еще не вышли из моды. Тогда мода двигалась медленно, как уважающая себя дама. Не то, что сейчас.

Но этот ребенок! Он стал для нее воплощением ее неудачи. Она назвала его Сашей.

Пока Ли была беременна, она не пила ни капли спиртного, хотя иногда хотелось этого зверски. Родив, а сказать точнее, избавившись от живота, она решила дать себе волю. Через два месяца у нее «пропало» молоко. Если долго кормить, грудь обвиснет. Хуже этого кошмара Ли не могла представить себе ничего на свете. Она катала колясочку с пухлым, похожим на херувима, Сашей. Стройная, красивая, как никогда, одетая дорого и модно. Представляла, как прелестно смотрится: молодая мать ухаживает за сыном. Она была так молода, что ее даже спрашивали: уж не с братиком ли она гуляет? Возвращаясь домой, она была совсем одна, если не считать на редкость спокойного младенца. Ли представляла себе, как сестра Людка с мужем едут на работу на завод. Стоят рядышком, как воробышки, жмутся друг к другу в толчее автобуса. Как он пытается создать свой собственный интимный мир в этом еже утренняя аду. И как после восьми часов работы они вместе мерзнут в очереди за зелеными мандаринами к новогоднему столу...

Прошел год. Ли вернулась в ресторан.

Она была так же беззаботна и красива, как раньше. Надменности только поубавилось. Коллеги ее не узнавали. Она стала хитрее. На грязь под ногтями уже не обращала внимания. Толковые рабочие тоже много получают. Только ни один рабочий не смотрел в ее сторону. Зато Ли завела близкие знакомства сразу с несколькими влиятельными людьми. Денег и подарков было предостаточно... Но серьезных отношений у нее не было ни с кем.

Саша был в яслях и на руках у матери Ли, которая одна радовалась этому ребенку, своему второму, но любимому внуку. У Людмилы тоже родился мальчик.

У Ли вошло в привычку немного выпивать перед (чтобы легче бегалось и больше улыбалось) и после (чтобы снять усталость) работы.

Только выпив, она чувствовала, что, наконец, жива. Она думала: как же они, все эти люди вокруг нее: отец, мать, девочки на работе, любовники – случайные и нужные, красивые и перезрелые – как они не понимают ее! Ведь так чудесно быть пьяной... В этот, именно в этот момент Ли понимала с полной очевидностью, что любима. Любима родителями, коллегами, всеми своими мужчинами. Даже теми, кто уходил после первой же встречи. Неважно. Она – самая красивая. Она любима. Всем миром, самой судьбой. И от этой чудесной уверенности ей становилось хорошо. Словно глаза раскрывались, и она видела то, что обычно было скрыто от нее. Ну и что, что поползла тушь? Пускай испачкалось платье, когда она упала. Было же темно! Все равно она – самая красивая. Но главное – ей подвластна сама любовь. Будто она сама могла создавать ее для себя, как звезда излучает свет. Для этого свечения ей никто не нужен, она есть сама по себе. Выпив, Ли достигала, наконец, освобождения – от самой себя. Ей не нужна была любовь. Потому что она способна сама дарить ее. Дарить всей Вселенной... Жажда быть любимой на время утихала, отступала, капитулировала...

Наконец, ОН пришел...

Точнее, она сама поймала его, проголосовав такси на ночной дороге.

Свет фонарей выхватывал мгновеньями по-мужски красивые черты: квадратный подбородок, прищуренные блестящие глаза, уверенные сильные руки, держащие руль... Ли влюбилась. Она никогда раньше не встречала мужчину, от которого исходила бы такая бешеная сила... И она потянулась к ней. Инстинктивно, жадно...

Герман же был из тех мужчин, которые всегда отвечают на движение женщины. Чувствуют ее чутьем почти звериным...

Это была настоящая страсть. Ли возбуждалась, лишь смотря на него, так велика была его сила. Такого с ней раньше не было никогда. Обнимая его, она чувствовала, что наполняется его силой до краев, как сосуд. Ей ничего больше в жизни не надо. Только бы его сила всегда была в ней.

Двигался Гера как бог. С ним хотели танцевать все женщины на всех вечеринках, на которых они были вместе. Ритмичностью и пластикой он мог поспорить с представителем черной расы, а его мужественность и голубые глаза с все понимающим прищуром покоряли все женские сердца без исключения. Но когда все эти женщины видели рядом с ним Ли, их запал быстро сникал. Самая красивая пара – все говорили.

Ли любила выпить до встречи с ним. Чтобы придать себе больше шарма. И после. Потому что ей было слишком хорошо, а хотелось, чтобы было еще лучше. Больше, больше, еще больше кайфа.

Про сына Сашу Ли редко даже думала. Она привыкла, что им занимается мать. Кормит, водит в садик. Он уже совсем самостоятельный. Только вот беда – мочится в постель. Такой досадный недостаток!

Ли ноги сами несли к Герману. Бежала, всегда бежала к нему. По-другому просто не могла. Не могла не спешить к нему навстречу. Каждый раз сгорала с ним дотла. Ей все казалось, что этот раз – последний. Но он все не бросал ее. Ей было удивительно и радостно. Они любили вместе выпить. Это делало жар их тел и порыв их душ горячее и ярче. Ничего более. Совсем не то было с Андреем, первым мужем Ли. С ним она пила через силу, потому что он так хотел, потому что ему было скучно пить одному. Только теперь Ли поняла, как она его ненавидела. Она еще ждала от него любви!

Герман был разведен, как и она. Детей от первого брака у него не было.

Однажды они заехали на его такси в лес. Летние звуки смешивались со звуками их прерывистого дыхания и поцелуев... Там он предложил ей выйти за него замуж.

... Жили в доме ее родителей. Герман быстро нашел с ними общий язык. Ли родила второго мальчика. Глаза у него были огромные, чуть раскосые. Он поздно начал ходить и говорить. Иногда будто не понимал, что к нему обращаются. Только смотрел своими великолеп-

ными глазами... Мать Ли его не любила, как первого, Сашеньку, которому уже шел восьмой год. Мальчишка был смысленый и бедовый. Весь покрытый шрамами и шрамиками: этот – с дерева упал, этот – ободом колеса велосипеда полоснул, этот – бомбочку делали во дворе...

У Германа была однокомнатная квартира. Когда их общий сын немного подрос, он предложил Ли переехать к нему.

Ли подошла к Сашеньке и спросила, с кем он хочет быть: уйти с ними или остаться с бабушкой и дедушкой?

Сашенька долго смотрел на нее, потом – на бабушку. Глаза его наполнились слезами. Он сказал то, чего ждала от него мать:

– Я хочу остаться с бабушкой.

Ли с новой семьей уехала.

Вскоре умер отец Ли. Просто однажды утром не проснулся. Ли удивительно легко перенесла это горе, ставшее страшным ударом для их с Людмилой матери...

...Лишь когда Саше было лет четырнадцать, он вдруг подумал: «Почему у меня одного фамилия Прохоров? У бабушки – Конорская, у матери, Германа и малыша – Сивцевы? У тети Люды – Козловская? Почему?»

Сколько раз ему хотелось, чтобы пришла мама. Он ее так ждал! Так ждал! Особенно тихими зимними вечерами. Он стоял у окна, прилепив нос к подтаявшему стеклу, и ждал, ждал... Он хотел первым увидеть ее. Было что-то особенное в этих нудных вечерах. Такие вечера бывают только в домах пожилых людей. Все идет своим чередом – ужин, программа «Время», и – спать. Аж сводит всего от скуки. Ни гомона, ни смеха, ни припозднившихся гостей... Ни ругани, в конце концов. Тишина, как в могиле. Посуда не бьется, все вещи всегда стоят на своих местах... Саша представлял, мечтал, хотел знать, что же сейчас происходит в доме матери.

А Ли стала скучать. Денег было вдоволь. Муж – таксист. Но работа официантки надоела ей, как горькая редька. Откладывать и копить она никогда не умела. Ли давно поняла, что второй сын ее несколько дебиловат. Но мальчишка был незлой, всегда готовый помочь. Огромные раскосые глаза были все так же распахнуты миру. Ей говорили, что она зачала его пьяной. Это неправда. Когда она много пила? Разве только последние несколько месяцев. И то – от скуки. Изменял ей Герман? Может быть. Она его за ноги не держала. Да надоел он ей! Вот и все. Сколько лет прошло? Десять! Она смотрела на его поредевшие почти до лысины волосы, поблекшие голубые глаза, подернутые дымкой утреннего похмелья, и не понимала, что за страсть ею когда-то владела. Одна радость осталась – выпить. Ли стала делать это почти каждый день. Благо уж что-то, а выпивка в ресторане всегда под рукой. Лишь приложившись первый раз за день, она ощущала, что живет, дышит и ей хорошо. Алкоголь по-прежнему не оказывал никакого влияния на нее, кроме успокаивающего и расслабляющего. Он делал ее проще, честнее и чище. В людях она видела только хорошее, могла терпеть надовшего мужа и рутину ежедневной беготни. Ли чувствовала – это почти святость. Она могла сказать людям то, что никогда не смогла бы сказать трезвой. Сказать по-доброму. Обласкать даже чужого клиента. Покормить ресторанными обедками собаку. Ей стало безразлично, модно ее платье или нет. Она видела, что на ее плывущую походку по-прежнему оборачиваются на улице, не взирая на то, что испачкалась одежда. Ну и что? Упала. После такой работы, как у нее, кто хочешь свалится.

Однажды она вернулась в двенадцать, как обычно. Герман ждал ее. Он тоже вернулся поздно. Последний рейс гонял в Шереметьево. Срубил много бабок. Жевал в кухне приготовленные собственноручно макароны по-флотски и ждал жену. Вышел к ней навстречу.

Вдруг Ли услышала над самым ухом выкрик:

– Что это?!!! Это – ЧТО?!!!

Ли не успела опомниться, как Герман схватил ее за руку и поволок к зеркалу. Она чуть не упала.

Ли посмотрела на себя.

– Ну и что? – выдавила, с трудом ворочая языком.

Смотрела в свое мутное отражение. Коснулась пальцами зеркала. Запылилось, наверное.

– Это не в зеркале! – кипя яростью, прошипел Герман.

Вокруг губ Ли была размазана помада. Явственный след чужих губ.

...Герман ее выгнал. Самое смешное – она не помнила, с кем была. Кто размазал поцелуем ее помаду? Но этот вопрос интересовал ее все же во вторую очередь. Герман сказал:

– Сын останется со мной. Убирайся.

Ли пожалала плечами и ушла. Ночевала во дворе на скамейке. К матери идти не решилась. Утром пришла в ресторан раньше всех. Впервые в жизни. Он уже ждал ее. Маленький, личико сморщенное, как сморчок. И улыбался... Ли чуть не вытошнило. Она сразу все поняла. Вот она, ее судьба. Когда она спросила, как его зовут, он ответил:

– Лешенька...

Так его мама всегда звала, с которой он и жил до сих пор. Лет ему было уже сорок. Потом он признался Ли, что она стала его первой женщиной.

Сразу же, едва Ли раскрыла рот, чтобы отшить его, он стал безумно шептать:

– Я люблю тебя, люблю, люблю... Не прогоняй меня...

Ли осталась с ним. Мать Лешеньки вскоре умерла. Скоропостижно. Как ждала, что придет, наконец, женщина, которая сменит ее... Дождалась... Лешенька стал часто выпивать с Ли.

Второй сын Ли остался у Германа. Он не разрешал бывшей жене приходить. Она подлавливала сына-подростка на улице, когда он возвращался из школы, и повисала на нем, заливаясь пьяными слезами...

В официантки она уже не годилась. Не кондиция. Руководство родного ресторана «Звезда» предложило ей место посудомойки.

Ли согласилась.

Лешенька каждый день говорил Ли, что любит ее. Она из жалости отвечала: «Я тоже тебя люблю». Но почему-то никак не могла почувствовать себя счастливой. Герман сейчас, когда она не видела его каждый день, казался ей прекраснее и любимее, чем когда-либо раньше. Она уже не вспоминала о наметившейся лысине и огрубевшей коже щек, покрытых недельной щетиной. Она вспоминала его походку – вразвалочку, от избытка еще бившейся в нем силы, его серьезный взгляд, который, казалось, проникал в самую душу...

Однажды ей стало совсем уж невмоготу. «Гера, Герочка», – шептала, словно он мог услышать ее.

Ли приехала в гости к сестре. Лифт долго трясся, доставляя ее на пятнадцатый этаж. Сестра часто говорила ей, что сначала не могла мыть дома окна. Аж холод и слабость в ногах до сих пор. Приготовив на скорую руку поесть, Людмила пошла кликнуть сестру, что чай уже на столе. Но Ли нигде не было. «Как в детстве, – по-доброму мелькнуло в голове у Людмилы. – Спрячется где-нибудь...»

Вдруг она ахнула. Молния прошла по спине.

Ли стояла в полный рост на карнизе не застекленного балкона, держась за стену, и, наклонясь, смотрела на колышущиеся далеко внизу сосны... Ветер раздувал подол ее платья. Ли легко балансировала. Одну руку она подняла. Она будто бы летела.

Тихо, тихо кралась Людмила.

А Ли в этот страшный миг парения над пропастью впервые с момента расставания с Германом чувствовала себя ровно. Именно ровно. Она вся искривилась от разлуки с ним. Изогнулась. А сейчас стояла прямо. Наравне с судьбой. Она была наравне со своей болью. Вот если бы всегда так стоять. День и ночь. А если шагнуть... Это будет высшая справедливость. Она, наконец, воплотится. Воплотится в себя истинную...

Не из желания сделать больно Герману. Вовсе нет. Эти детские мечты о мести через свою смерть давно оставили ее. В этот миг она желала счастья ему. Просто ей было хорошо так стоять над пропастью. Боль ушла. Спина распрямилась. Ли была впервые счастлива после разлуки с Германом. Но она понимала, стоит ей уйти с этой тонкой полоски поручня на твердый пол балкона, и боль вернется. Она победит. И Ли уже не будет с ней на равных. Если шагнуть...

Кралась Людмила на отяжелевших ногах. Только бы не спугнуть! Только бы половицы не скрипнули! Схватила сестру за ноги. Ли больно упала на пол, повалив сестру.

Наревелись потом вместе!

А тут еще новая напасть. Руки Ли, никогда не знавшие даже тяжелой домашней работы, ее нежные пальцы стали очень страдать от горячей воды, которой она мыла посуду в ресторане. Они все покрывались экземой и струпьями, больно шелушились. Откуда такое горе? Никакая мазь не помогала. Врачи говорили одно: бросайте такую работу. И отводили глаза от ее испитого лица.

Если быть честной самой с собой, Ли на самом деле вовсе не скучала о своем сыне от Германа. Она заливалась слезами, обнимала его, совала деньги – только с одной целью: это станет известно Герману. Ее сын – единственная ниточка, связующая ее с Германом. А вдруг он, наконец, увидев ее горячую любовь к сыну, сменит гнев на милость? Ли часто мечтала о нем, закрывала глаза, терпя поцелуи Лешеньки, представляя, что это – Герман...

...Прошло еще несколько лет.

Ли по-прежнему часто смотрелась в зеркало. Для своих сорока она выглядела великолепно. Ей так казалось. Она «не видела» поблекшей кожи, отвисших мышц, погрустневших глаз... Она хороша! Да больше тридцати ей никто не даст, хоть кого спроси...

Лешенька на заводе зарабатывал немного, она – посудомойкой – тоже. Тут еще «перестройка» грянула. Заводских всех выбрасывали на улицу. Тут уж не до жиру. Водка по талонам! Достать, конечно, можно, но каких денег это стоит! Нарядов у Ли почти не осталось. Пару платьев устаревшей моды. Да ну их! Не нужны они ей. Она давно поняла, что не в нарядах дело... Дело в походке, красоте тела и движений! Двигаться надо так, чтобы мужчина, глядя на нее, видел бы ее вовсе без одежды!

Пришла беда. Сестры-близняшки, Ли и Людмила узнали, что их мать умирает. Саркома. Людмила все ездила к ней в больницу, носила бесполезные ненужные грибочки с картошкой, а Ли пила... Потом врачи сказали, что операцию они сделать могут, но их мать умрет на операционном столе. Или два месяца – дома...

Ли привезла мать домой. Она ходила за ней, стирала простыни и тряпки, ужасно пахнущие страшной болезнью, покупала на ее пенсию и свои крохи дорогие обезболивающие, убирала, проветривала, не досыпала, вскакивая по малейшему зову матери, готовила каши... Мать худела. Лешенька починил в доме матери Ли всю сантехнику, повесил новые веревки для белья, прикрутил разболтавшиеся ручки у дверей...

Когда мать умерла, Людмила приехала накрыть стол для поминок, а Ли пила... Она чувствовала себя потерянной, и, вспоминая себя молодую, понимала, что никогда по-настоящему не интересовалась матерью. Мать готовила вкусные щи. Мать выгнала ее первого мужа. Вот главное, что ей запомнилось. А еще как она дала ей стеклярусные бусы на Первой в далеком шахтерском городке...

В свое время Ли перевезла в квартиру Лешеньки несколько предметов своей обстановки, с которыми не расставалась никогда: высокий торшер, репродукцию с картины Брюлова «Девушка с виноградом» в такой великолепной раме, что она была достойна настоящей картины, и старенькое кресло с вытянутыми подлокотниками, узкое, как сиденье пилота, как раз по моде шестидесятых, но говорят, сейчас прямо такое модно. Девушка на картине была как живая. Ли ее очень любила. Красивая. Не такая красота, как в наши дни, но все равно! Кресло. Сколько раз она мечтала, сидя в нем! ... Ушло, все ушло за несколько бутылок. Но разве она не помечтала, выпив их?! Хоть еще раз, но помечтала. Не жалко! Постепенно в их с Лешенькой квартире остался только старый диван, простой деревянный стол со стульями и кухонные шкафы со сломанным текущим холодильником. Ах, да. Еще кошка Мурка. Недоверчивая к чужим, но ласковая к хозяевам. В пустой квартире легче дышится. Да и мишура все это. Вещи. Вся цена им – бутылка. Монахи, вон, вообще без вещей живут. Вещи – это наши глупые привязанности. Как игрушки у детей. Это то, что тянет нас вниз, не дает взлететь и мечтать...

...Их с Германом сына Ли совсем не видела. И Германа тоже...

Пришел день, когда старший сын Ли, Сашенька, приехал в ее пустую квартиру с девушкой и сказал:

– Мы женимся через две недели. Приходите к нам на свадьбу.

Ли так обрадовалась им, что не знала, куда усадить и чем накормить. Да и не было у нее ничего, чем кормить. Пирожные позавчерашние. Да чай. Девушка осторожно отхлебнула из потемневшей у ручки чашки с крошечной выщербленкой, покосилась на пирожное, но есть не стала.

Когда они ушли, а пробыли они всего минут двадцать от силы, Ли вдруг ощутила странную пустоту. Такого с ней никогда не было...

Мысли ее кружились и прыгали. Хотелось выпить. Ей уже давно так этого не хотелось. Пила, потому что иначе начинала болеть голова и ломить тело. Вроде и не хочешь, а выпить надо. А тут прям выпить захотелось. Девушка такая хорошая. Правильная такая девушка... Красивая. Немного похожая на нее, но какая-то не такая... Не помчится за мечтой.

Скоро свадьба старшего сына! Какой ужас! Так и до внуков недалеко. А ей всего со... Тьфу! Кому нужен этот возраст? Она хороша. Даже слишком. Когда она катала в коляске маленького Сашеньку, никто и не думал, что она – его мать! Внуки ей тоже будут к лицу: непохожа она на бабушку.

Но это все неважно, это не главное... Одна самая яркая мысль жгла ее: на этой свадьбе она увидит Геру. «Конечно, он будет с этой своей врачихой. Образованную отхватил! С ребенком. Ну, и ладно. Она страшна, как смертный грех. Жирная, не обхватишь. Даром, что молодая. Ну, и ладушки. Что мне за дело? Я увижу его». Ревность даже не задела Ли. Она чувствовала себя чистой и великодушной. В сущности, она такой и была.

Но Герман пришел один. С их почти взрослым сыном. Ли привела Лешеньку.

Гостей было немного. От обилия выпивки и закуски у Ли разбегались глаза. «Молодец, сынок! Сразу видно, мой».

Место, которое молодые выбрали для своей свадьбы, было необычным. Загородный дворец-усадьба. Они сняли ее целиком. По легенде булочник Филиппов полтора века назад построил его для своей любовницы цыганки. На высоком холме над рекой. Так же высоко, как была высока его любовь. Дворец, весь утремленный ввысь, имел, тем не менее, всего три этажа, правда, с высоченными потолками. Лепные карнизы, скульптуры амуров и демонов придавали дворцу совсем уж сказочный вид.

При советской власти и купец Филиппов, и цыганка (или их потомки) куда-то сгнули, уступив место спортсменам-олимпийцам, поскольку прекрасная природа и воздух были оценены по достоинству. Когда дворец перестал вмещать всех атлетов, рядом пристроили гости-

ницу. К ней присоединились корпус столовой, стадион, бассейн и прочие спортивные сооружения. Во дворце остался огромный, всегда пустующий банкетный зал, который, видимо, так никогда и не разбивали на комнатки-клетушки, и он остался в первозданном виде. В отдельных помещениях – ванны с гидромассажем и кабинеты спортивных врачей.

Вид на реку с вершины холма, когда-то столь чудесный, теперь весь был скрыт разросшейся зеленью деревьев и кустов. Лес, лес до горизонта. И мчащиеся облака. Банкетный зал имел свой, отдельный выход в сторону реки. Мраморные ступени, симметрично, полукругом, поднимающиеся к залу, поручни с лепниной... Во всем этом великолепии раньше Ли чувствовала бы себя королевой, пришедшей к вассалам на бал. Но ни одна подобная мысль почему-то ни разу не посетила ее.

Был конец июня. Ли смотрела на зелень кустов. Цвела очень поздняя сирень. Это было столь удивительно, что Ли подумала: «Надо же, какая красота. Просто чудо».

Труднее всего ей было дождаться начала. Когда, наконец, можно будет сесть за стол и кричать «горько!». Молодые все не ехали и не ехали. Где они могут болтаться с друзьями? Ли потихоньку бросала горячие взгляды на Германа. Тот их не просто не видел – он их не замечал.

Конечно, Ли выпила перед тем, как ехать сюда. Она увидит Геру! Какая-то струна дрожала внутри от одной этой мысли. К тому же она и привыкла пить перед встречей с ним. Всегда так делала. Чтобы жар тела и блеск глаз был ярче. Да и кто это заметит, что она выпила? Никто ничего не поймет.

«А вдруг их с Германом, как родителей жениха, заставят целоваться?! Надо же молодым показать, как это делается. Так положено. А кому еще? Больше некому. Мать невесты – разведенная. „Ах, ты. Совсем из головы вылетело. Герман же – не отец Саши. Отчим... Ну и что?“ Фантазию Ли уже ничто не могло остановить.

Но прошло все совсем не так, как ей мечталось. В самом конце праздника, когда Ли была пьяна почти до невменяемости, ей почему-то вспомнилось, как она мечтала о пикнике с Вадимом Соломоновичем. И чем он кончился...

„Жизнь моя! иль ты приснилась мне? Словно я весенней, гулкой ранью проскакал на розовом коне...“ Или как это там... У этого, как его... Неважно».

...Целоваться их не просили.

Герман танцевал. Но не с ней. Как он двигался! Боже мой! Эти молодые, как куры... Он один – орел.

Герман танцевал весь день, без усталости. С девочкой-свидетельницей, упругой, налитой, деревенской, румяной. Все смотрели на них и удивлялись.

Лешенька смотрел на Ли и пил, пил, пил...

Ли смотрела на Германа и тоже пила.

На свадьбе сына Ли была ее сестра Людмила с мужем, старшим сыном, ровесником Саши, и дочерью восемнадцати лет. Дочь звали Галей. Она лихо отплясывала, крутя плиссированной короткой юбочкой.

«Надо же, совсем невеста, – думала про нее Ли. – Понарожала Людка».

И вдруг, неожиданно для себя, ощутила к этим взрослым совсем детям, своим племянникам, как волной накрывшее ее тепло. «Что это? Неужели Любовь?!» Ли всегда узнавала ее по щемящему чувству неуверенности. Непрошенные слезы готовы были запроситься на глаза. «Фу, как глупо. А вот бабушкой первая я стану. Незавидное первенство. Ха».

Ли еще выпила. Закуски было прорва – и икра, и красная рыба, и холодцы, и закуски разные... Глаза Ли уже ни на что не смотрели. Только привычно отмечали недостатки сервировки... Но она оборвала себя: «Это мелочи. Стол-то какой! Молодец, сынок!» Гордость за него снова выпросила слезы показаться на глаза.

Лешенька сидел тихо и пил. Ли совсем перестала замечать его, увлекшись своими мыслями. Такими новыми для нее, что она буквально не понимала, откуда они берутся.

«Перепила», – смутная догадка забрезжила в мозгу. «А Людка-то – одета лучше меня... Ну, и ладно. Молодчина... Точно: перепила».

Герман за весь вечер умудрился даже не взглянуть на Ли. А она этого так ждала... Он не смотрел не потому, что чувствовал к ней неприязнь. Просто она была старой, затрепанной и грязной страницей его книги жизни, возвращаться к которой он не видел никакого смысла.

Ли вдруг ощутила себя совсем одинокой. Про Лешеньку она забыла. Словно и не было его вовсе, не существовало. Все веселилось вокруг нее, кружилось, плясало и пело. А она сидела и пила. «Вон Людка танцует в обнимку с мужем. Козловским. А он, небось, ни разу Людке не изменил, – думала Ли. – всю жизнь она для него – первая красавица. Он ни разу так и не понял, что она некрасива... Интересно, почему Сашенька пригласил меня на свою свадьбу?... И откуда у меня такой вопрос? Раньше – никогда бы даже не задумалась. Бедный котенок, он хочет, чтобы у него все было, как у людей. Глупыш»...

Темнело. Длинный летний день готовился смениться следующим. Тишина стояла страшная. Все устали. Ждали. Когда придет автобус и вывезет их из этого загородного рая. Людмила собирала остатки икры и красной рыбы в огромную банку. Выносили недопитое шампанское. Большинство гостей куда-то разбрелись. Ли сидела за столом одна. Все в той же позе – сложенных на столе рук. С виду она была смертельно пьяна. Время от времени кто-нибудь бросал на нее оценивающий взгляд: не встанет. Но Ли думала. Она понимала, почему на нее так смотрят, но пропускала эти взгляды мимо, сквозь себя. Она чувствовала себя совсем прозрачной и легкой, как мотылек. Словно от нее осталась одна душа. Тела не было. Не было его тяжести, не было рук и ног. Только парящая душа. И именно эта душа сейчас думает и смотрит на суету вокруг. Странное это ощущение каким-то непостижимым образом делало ее необычайно свободной. От всего. От суеты. От всего материального. От людей. От самой себя.

Молодожены сняли номер в гостинице. Они уже ушли, попрощавшись со всеми, кроме Ли. Потому что думали, что она настолько пьяна, что уже ничего не понимает. Сидит, как истукан.

Когда автобус со злым уставшим водителем, наконец, прибыл, все рванули занимать места. Большинство старалось так устроиться в неудобных сидениях «пазика», чтобы можно было уснуть.

Только Ли не торопилась. Напротив, она стояла возле двери автобуса, тревожно озираясь кругом.

Лешенька исчез. Просто взял и исчез. Ли даже и не помнила, когда и куда он пошел. Непроглядный мрак кустов и деревьев, черная бездна журчащей где-то внизу реки, треск кузнечиков, одинокий крик какой-то птицы и больше – ничего. Где его искать?

Ли всех умоляла подождать.

В ответ слышались смех и брань.

– Что, потеряла своего мужичка с ноготок?

Так Лешеньку здесь окрестили за один день.

– Найдется. Проспится. Дорогу найдет. Полезай.

Ли ни в какую не хотела ехать без Лешеньки. С ней случилась истерика. Она плакала и грозила лечь под автобус, если его не будет...

Задохнувшийся в перегаре и поту автобус ждал. Ли втащила. Дверцы захлопнулись.

Ли рыдала всю дорогу. Кто-то с пониманием отнесся: ясно ведь, сын женился.

Но Ли плакала о Лешеньке. Где он? Что с ним? Ли вдруг поняла, что все эти долгие годы, что жила, пила, спала рядом с ним – она его просто не замечала. Как она могла так

относится к нему?! Он же прекрасный человек. И вот теперь его нет. Ли казалось, что его совсем нет, навсегда.

Пьяные рыдания оглашали автобус до самого города.

Ли и не подозревала, что Лешенька ей так дорог.

Прошло еще пару лет.

Ли теперь часто посещали «странные» мысли. Так она их про себя называла. Подобные тем, что впервые родились в ее голове на свадьбе старшего сына. Она всех прощала, все прощала, ни о чем не мечтала и ничего не ждала. Кроме одного. Ли стала бабушкой. Но внука видела всего лишь раз, одну минуту. Саша приехал к Лешеньке за сварочным аппаратом. Ли выскочила во двор, бегом добежала до их машины, взяла маленькие ручки в свои, заглянула в лицо малышу. Так и есть! Нос – точно ее. Потом внука увезли, и она его больше не видела. Ли часто вспоминала то минутное свидание. Как будто оно было любовным, честное слово! Какое это безобразие, что ей не привозят внука! Хотя Ли и сама не знала, что будет делать, если он окажется рядом. Все равно мечтала об этом. Она совсем уже не помнила, как обращаться с детьми. Да и знала ли когда-нибудь?

Еще одна свадьба. Женился ее младший сын. Ли много, очень много выпила на этой свадьбе. Ей хотелось вновь ощутить ту легкость одиночества, невесомость пустоты, что охватила ее на свадьбе старшего сына. Вместо этого она просто отупела от выпитого. Ни одна мысль не вдохновляла ее. Ли не помнила, как безобразно вырвало ее прямо за столом. Гости пошли танцевать. Кто-то вышел на улицу. Кто-то вовсе ушел. Гадость какая.

На этой свадьбе, разумеется, была и Людмила с семьей. Ее дочь Галя еще подросла. И похорошела. До того, как отключиться, Ли любовалась ею. Правда, она отмечала в фигуре Гали некоторую грубоватость, отсутствие изящества. «Со мной ей все равно не сравниться, – думала Ли. – У девочки широкая кость».

Герман танцевал как всегда азартно, с куражом. Ли смотрела на него, пока ее не стошнило. Достичь блаженной пустоты ей не удалось. Неизвестно, в чем тут было дело: то ли водка была дурна, то ли природы вокруг не было – праздновали в городе, в кафе, – то ли дворцовые своды не стремились ввысь, то ли Герман танцевал меньше...

Напротив дома, где жила Ли с Лешенькой, было ПТУ. Во дворе его стояла пятнадцатиметровая стела, увенчанная девушкой, раскинувшей лебединые крылья, готовой улететь.

Однажды, в летний субботний день Ли услышала громкие звуки танцевальной музыки, доносившиеся из ПТУ.

«Свадьба, – решила она. – Надо сходить. Дадут бутылку. А не дадут, так нальют».

Это гулянье действительно оказалось свадьбой. Гали. Дочери Людмилы и племянницы Ли.

Ли долго стояла, смотря издали.

Не пригласили. И кто?! Родная сестра, как две капли похожая на нее. Людка – хрюшка-повторюшка.

Младший сын вынес Ли бутылку. Она ушла.

Из окон на нее смотрели гости.

Ли часто спрашивала у Лешеньки, как у сказочного зеркала:

– Я красивая?

– Да. Ты – самая красивая. Красавица.

За прошедшие после злосчастной Галиной свадьбы три дня Ли успела побывать везде, где когда-либо жила, не считая военных городков детства.

Она приехала в Москву к тетке, которая все умилялась когда-то, до чего же они с Людкой похожи. Тетка умерла. Ли насилу нашла ее могилу. Плакать не хотелось. Ли просто смотрела на непохожий на тетку высеченный портрет и думала, до чего же все глупо. Вернулась смертельно усталая. Лешенька налил ей. Из той бутылки, что вынес ей сын. Ли, совсем голодная, быстро опьянела и уснула, не чуя ног. Спала она сладко. Впервые за долгое время. Словно сделала то, что должна была сделать давно, но не могла или не хотела. Словно раскаялась в некоем грехе. Освободилась. И теперь ей хорошо. Проснулась поздно и сразу стала думать, куда бы съездить сегодня.

– Ты куда? – недоуменно вскинулся Лешенька.

– К Вале, на Февральскую. Она должна мне.

– Сколько?

– Тридцатку. Еще при Брежневке занимала.

– Ну, ты вспомнила! Эт теперь копейки.

– Поеду.

Ли поднялась по знакомой до боли лестнице. Вот на этой скамейке она коротала когда-то ночь. Вот из этой двери ее в ту ночь вышвырнул Герман. Вот это когда-то была ее квартира. Напротив – Валькина. Хотела позвонить ей, но перепутала кнопку.

Герман открыл. Ли смотрела на него и не понимала, почему он. Откуда он?

Секунду они смотрели друг другу в глаза.

Герман повернулся и ушел, оставив дверь распахнутой. Вышел младший сын Ли.

– Привет, мать.

Ли кивнула. И пошла прочь.

– Что приходила-то? – крикнул он ей вслед. Но Ли уже свернула на другой лестничный марш.

О том, что шла к Вальке, вспомнила, лишь когда вышла из подъезда. Обратного подниматься не стала. Сильно хотелось выпить.

– Отдала? – встретил ее вопросом Лешенька.

– Что?

– Тридцатку.

– Кто?

– Валька же, ну!

– ...не было ее. Выпить есть?

Оказалось, что свадебную бутылку, как окрестила ее Ли, они уже распили. Ли смутно помнила, как вчера Лешенька по пьяни все пытался разыграть их собственную свадьбу. Уверял ее, что сегодня женится на ней. Дело в том, что жила она с Лешенькой нерасписанная. А зачем? Что они, дети? И фамилия у нее была до сих пор германова, потому что она так и не развелась с ним. Это жутко расстраивало Лешеньку.

Итак, хотелось выпить. Денег, как нарочно, не было.

Ли встала, чтобы уйти. Взяла авоську.

– Ты куда? – второй раз за день всполошился Лешенька.

– За бутылкой. Куда ж еще?

...В этом доме Ли никогда не жила. Но знала его до мелочей. Это был дом ее сестры – Людки Козловской.

За дверью слышались голоса и смех.

«Гуляют», – догадалась Ли.

Людка открыла дверь. Ли вошла. Вся семья была в сборе: муж Людки, Галя с молодым мужем, какие-то женщины, мужчины, которых Ли не знала. Все сидели за столом, но не

прервали болтовни с приходом Ли. Они веселились вовсю. Ли, вроде, даже и не заметили. Людка повела сестру в кухню.

– Чего тебе? – Людка ставила чайник, спросила спиной.

– Водки.

Людка исчезла в гостиной. Видимо, пошла снимать бутылку со стола.

Ли разглядывала обои в цветочек, заляпанный шумящий чайник и пейзаж за окном. Она бы с удовольствием разглядела гостей. Люди ей всегда были интереснее, чем пейзажи, но из кухни увидеть их было нельзя.

Явилась Людка с бутылкой. Ли засунула ее в бесстыдно прозрачную авоську. Людка выудила из кошелька тридцать рублей, сунула сестре. Ли, ни слова ни говоря, взяла. «Еще одна бутылка, – подумала она про себя, – Дешевая».

Дома она выложила бутылку и тридцатку.

– А говоришь, Вальки дома не было, – удивленно прокомментировал Лешенька.

– Это Людкины серебрянники.

– Лидия! Как ты... Я послезавтра получку принесу. Мне обещали... Обязательно принесу.

Жара стояла уже несколько дней. Проснулась Ли от яркого солнца, бьющего в глаза. Вот и новый день. Третий день ее странствий. Она даже не стала думать, куда поедет сегодня. Просто стала собираться.

Лешенька открыл глаза. Молча следил, как Ли одевается... А делала она это престранно. Сначала одно. Потом другое, третье. Как на свидание. Притом, что платьев у нее было – раз, два и обчелся, ни одно Ли не удовлетворяло. Вещи раскидала и сидела подле них голая, как Венера. Лешенька хотел даже ее ухватить, но Ли остановила его одним взглядом, по первому движению поняв его намерения.

– Красавица моя, – не удержался Лешенька.

Наконец, Ли выбрала. Короткая красная юбка, оставшаяся с бог знает каких времен, открытый топ и черный короткий пиджачок. «Сейчас такие снова в моду входят».

– А пиджак зачем? – не понял Лешенька. – Жара ведь.

– А вдруг мне станет холодно? – поежилась Ли.

Лешенька вздохнул... Он все же зажал ее у стенки, когда она была уже в коридоре. Ли вырвалась.

– Красавица моя!

Она взяла Людкину тридцатку. Кроме того, в кошельке у нее были еще какие-то крохи. Лешенька дал ей еще немного, опустошив свои карманы.

– Не гуляй долго, – сказал он. – Ты помни: я жду тебя.

Два автобуса, которыми надо было добираться до родного дома, облегчили ее кошелек на двенадцать рублей. Еще за двадцать рублей она купила простой бритвенный станок и пять лезвий. Для Лешеньки.

Сегодня Ли чувствовала себя легкой и счастливой, как никогда. Редко бывает то ощущение свободы, оторванности от всего в путешествии, когда, кажется, не едешь, а невысоко летишь над землей вместе с машиной. Даже автобусом. Но если бы кто-нибудь ее спросил или она сама задумалась, почему счастлива, она не смогла бы ответить. Как бы смешно это ни звучало, эта поездка казалась ей романтическим приключением. Ли и сама не понимала, что с ней происходит. Словно давно забытая юность оживила ее глаза, спряталась в растрепавшихся волосах, омыла самую ее уставшую душу. Ли было хорошо. И не пьяна вроде вовсе?! Поездка длилась, длилась... В голове у Ли было пусто, а если мысли и возникали, они были легкие, как порхающие бабочки. Что-то ждет ее сегодня? Что-нибудь необыкновенное. Приключение, романтическая встреча... А вдруг любовь?! И само кайфовое ощущение от сексуальной одежды, давно забытое ею, подстегивало ее. Ли сознавала: сегодня,

сейчас она красива. Не зря же Лешенька не удержался, зажал ее у стенки! Короткая юбочка плотно облегла стройные бедра. И шагала от этого Ли как-то по особенному, совсем как в юности, своей модельной походочкой. Шажок, еще шажок. Главное – ставить ноги по одной линии. Какой-то мужик, она не обратила внимания, честное слово! смачно причмокнул губами ей вслед. «Фу!» – подумала Ли.

Сто лет у нее не было такого приключения!

Сердце ее забилося радостно и тревожно, когда в черед девятиэтажек показался родной дом. Ли здесь не была со смерти матери, за которой ухаживала. Теперь тут живет старший сын с женой и ее внуком, которого она видела всего один раз. Но какое это имеет значение, когда сегодня такой день! Здесь она жила, когда все еще было впереди, здесь встретила Германа, здесь нежилась в ванне, а в спальне у них, небось, все еще стоит ее любимый трельяж...

Ли позвонила в дверь. Звонок тот же! Полоснул по сердцу знакомый перезвон. Открыл старший сын. Ли очень хотелось увидеть внука и... посмотреться в любимый трельяж, но вместо этого она сказала:

– Отдай мне старое пальто матери.

Сын пожал плечами:

– Да его уже нет давно.

А в дом не приглашает. Стоит и смотрит на нее. Ли кивнула ему и пошла прочь. Хотя ноги прямо не шли. Словно держало ее что-то. Оглянуться очень хотелось. Но Ли удержалась. За спиной хлопнула дверь.

Уже первые три шага на ярком солнце полностью развеяли ее воспоминание о трельяже и захлопнувшейся двери. Яркая, как кровь, юбка, веселила ее душу. На лавочке во дворе сидели бабушки-старушки. Они о чем-то говорили. На нее посмотрели вскользь.

«Не узнают, – поняла Ли. – Конечно. Лет-то сколько прошло. А выглядит она чудесно. Как девочка. Уж куда им узнать. Ни за что и никогда не будет она вот так сидеть и перемывать косточки соседям».

Но бабки на самом деле ее узнали. Сделали вид, что не видят. Ли своей красивой походочкой прошла мимо них. Она решила прогуляться вокруг, сходить к реке... Жара какая...

Долго, долго она сидела, опустив ножки в воду с не очень пологого бережка. Знакомая с детства речка! Каждое дерево, каждый поворот... Солнце играло на воде. Метрах в двадцати плескались дети. Ли с удовольствием наблюдала за ними. Но краем глаза поглядывала и на молодых людей, вероятно, недавних школьников, ныряющих тут же, неподалеку. Блестящая водой юная, гладкая кожа, смех, фыркание, подставы, поддевки... А какие у них уже не по-детски сильные руки, стройные ноги... Они цены себе не знают... И поэтому так бездумно расточают свое немислимое очарование, в никуда, ни для кого, в пустоту... Так прошло много времени. Молодые люди успели искупаться не один раз, не один раз завалиться обсыхать и загорать. Солнце быстро высушивало на них влагу, оставляя несколько блестящих смуглых капель. В высокой траве не видно, как наполняются пластиковые стаканчики водкой... Ли недоумевала, как можно не заметить ее с ее красной юбкой? Только бы раз нырнуть к ним в воду, скользнуть по гладкому телу рукой... А потом хоть утонуть – все равно.

Когда солнце стало клониться к горизонту, молодые люди быстро собрались и пошли к микрорайону. Ли поплелась за ними. Зверски хотелось пить. Просто пить. Целый день она ничего не ела. Но об этом Ли не вспоминала. Ей хотелось пить.

Она купила двухлитровую бутылку пива и жадно приложилась к ней прямо возле магазина. Конечно, это деньги на ветер, но сегодня не хотелось думать о таких мелочах... И только когда купила, поняла, что денег на обратную дорогу не осталось. Ерунда!

Вообще, летний вечер еще только начинался. Впереди было ух! сколько времени. Кракота! И вся душа Ли пела от предвкушения какого-нибудь романтического приключения.

Четверо молодых людей стояли у родного подъезда. Сердце Ли глухо упало. Те самые! С реки! Жаль, что теперь они одеты. Но все равно хороши, как юные боги. Они о чем-то говорили и по-молодецки ржали. Им был хорошо. Может, девок обсуждали, может, собирались еще выпить.

Ли села на лавочку. Двухлитровую бутылку поставила на землю, рядом. Чужие дети возились в песочнице. Две мамашки сидели рядом и болтали. Ей всегда было безумно скучно так сидеть. Поэтому она и не сидела! Она гуляла!

От двусмысленности этой фразы ей стало смешно. Она старше этих куриц, но – королева по сравнению с ними... Нужно, просто необходимо было сделать какой-нибудь жест, который отражал бы ее настроение. Оно прямо-таки рвалось наружу. Ей ничего не приходило в голову, кроме как изящным жестом сбросить свой короткий пиджачок. Что она и сделала. Медленно, медленно, в такт звучащей в ней музыке.

«Жаль! Ни один из этих молодых жеребцов не заметил!»

Она встала, оставив пиджачок на скамеечке, и пошла к молодым людям. Она шла своей обычной раскованной походочкой, которая всегда заводила ее саму. Стоило только представить себе, как сексуально перемещаются ее ноги... Точь в точь по одной линии, как по ниточке. И шагала она не топорно, с пятки, а нежно прикасаясь к земле всей ступней сразу. Царица подиума, вот она кто.

Какие жеребчики! У нее все горело внутри от одного взгляда на их молодые ноги, небрежные юные движения...

В спину ей полетел смех. Но Ли не слышала. Смеялись молодые мамыши. Та, что сидела ближе к Ли, в изящной вязанной крючком кофточке, сказала другой:

– Странно, что она юбку не стянула. Только пиджак.

– Они ее и без юбки не заметят! – уверила ее симпатичная соседка.

– Молодого мяса захотелось.

– Им столько не выпить, – кивнула «симпатичная» на пиво Ли.

– Не хочешь? – поинтересовалась «вязаная кофточка», скосив глаза на ту же двухлитровую бутылку.

В глазах сверкали бесенята смеха.

«Ну, что же вы молчите?» – мелькнуло у Ли.

Подростки шарахнулись от нее. Теперь они ее увидели! Еще как!

Что она хотела? Просто поговорить с ними! Неужели они считают ее старой? Конечно, ей не пятнадцать лет. Она просто хотела поговорить!!!

Ли повернулась и опять пошла к скамеечке. Сдернула пиджак. Не сидеть же теперь здесь! Вон там есть еще лавка, в глубине двора. Вся в деревьях. По траве идти модельной походкой совсем не так просто! Но она должна постараться. Пусть видят!!!

– Во, во! – оценил ее походку один из парней. – Еле идет! А еще выпендривается!

– Ща выпадет с копыт, – согласился второй, по-детски азартно поддев камушек ногой. –

Правая нога влево, левая – вправо. Старуха шапокляк!

– Красавица, б-я!

Они заржали.

Ли рухнула на лавку. Как устали ноги! И никого. Скучно. Ни одного человека вокруг. Не пригласить ее на свадьбу!!! И кто?!! Самая что ни на есть родная кровь! От этой мысли в висках зашумело и застучало. Ведь у нее же нет больше никого. Хотелось плакать, но слез почему-то не было.

– Во рту пересохло, – сказала она вслух, хотя рядом никого не было. Поискала глазами. Нету. Вдохнула. Ноги гудели. Конечно, целый день на жаре! Ломило под правой лопаткой. Проклятая жара! Очень нужна ей эта их свадьба!!! Сам факт. Что не пригласили.

Сын смотрел на нее из окна.

«Чего приходила? Мать. Мать... Мать твою! Пальто ей какое-то надо... Все уже пропала. Вот и понадобилось ей пальто...»

Толстуха на лавке, бывшая кассирша предприятия, привыкшая держать деньги в руках и потому сохранившая величественную походку и властный тон, говорила сидящей рядом беленькой старушке божьему одуванчику:

– Ты глянь, Варь, Лидия-то вырядилась, б... алкогольная.

– И смотреть не хочу. Похабщина.

– А ходить-то. О, о. Задом туды, задом сюды.

– А сама – старуха! Бабка вон уже! Кожа вся отвисла. Лицо – как у слизня. Синюшная вся, как курица советская.

– Ноги уж еле ходють, а туда ж – молодежь пугать.

Вернуться домой? Там Лешенька. Добрый он. Хотя подумать – она никогда его настоящему не любила. Он маленький-маленький. Личико мелкое, страшненькое... Мальчик. Ну и что, что старый. Старый мальчик. Добрый, добрый... Прости. Лешенька. Он МАЛЕНЬКИЙ. Все у него маленькое. И достоинство тоже.

Нежность, нежность – слезами хлынула из глаз. Потому что не любила. Никогда.

Ублюдки вонючие!!! Еще дети называются! А эти старые – что, лучше?!!! Она посмотрела на мужиков, сидящий за домино.

Они были уже солидно «под шафе», но никто не смотрел в ее сторону...

– Фу, старперы вонючие...

Хоть бы глоточек. Духота. Как они могли?! Родная сестра!!! Она никому не нужна... Лучше бы ей умереть. Прямо сейчас. Вскрыть вены... Все равно ее никто не видит...

Она всегда хотела это сделать. Всегда. С самого детства. Теперь-то Ли это понимала... Не смогла. Сделать это хотя бы сейчас! Уйти. Просто уйти... Потому что нет ЛЮБВИ на свете. Нет ее. И все. НЕТ ЛЮБВИ!!!

Ли хотелось кричать. Но вопль застрял где-то в горле. Все напрасно. Покончить с миром. Раньше она не понимала, что это значит. Но с тех пор, как стали приходиться ее «странные мысли»... Убить себя – это убить весь мир. Весь прекрасный и удивительный мир. В котором нет любви. Не себя, а именно мир. Уничтожить его одним махом. В этом грех. В том, что убиваешь мир.

Порылась в сумочке. Достала простой станок. Она уже вставила туда одно лезвие. На речке, от нечего делать.

Это для Лешеньки... Она и не знала сама, зачем купила... Теперь понятно.

Повертела его в руках, развинтила. Последний луч блеснул на тонкой стали...

Вдруг там, на свадьбе, она кого-нибудь встретила бы? Наверняка был бы он, ее второй муж, Гера, Герман, бог Гор, как она звала его про себя... Лешенька бы снова ревновал ее!..

Сердце стучало, затылок ломило...

Нет, нет. Все это глупость. Бог ей дал ее копию при рождении. Но разве ЭТО ее половина?!!! Похожи тела! Какое издевательство, надувательство, пытка, казнь... Она должна была найти настоящую половину. Половину разрезанного яблока. Но она одинока. Всегда была. Теперь Ли увидела со всей ясностью, как будто чьей-то рукой была нарисована картина всей ее жизни перед мысленным взором: она всегда, с самого начала хотела убить себя. Потому что гадок мир без половины... Нет в нем гармонии. Один хаос одиночеств.

Как далеко отсюда до дома. Два автобуса. Там Лешенька... Перед глазами что-то мерцает. Это от усталости. Или от жары. Где же ее прохладительный напиток? Его подали ей прямо из холодильника... Она хотела приподняться, но поняла, что сил просто нет... Так и осталась сидеть.

Она и сама не поняла, зачем приехала сюда, в свой родной двор...

Ни одна бабка ее не узнала. Она слишком хорошо выглядит, вот почему. Она сидела и смотрела то на свои стройные ноги, то на старые, до боли знакомые окна. Когда-то это был их дом... Не так уж и давно. Здесь все восхищались ее красотой, здесь она единственный раз по-настоящему полюбила... Но была ли любима? «Кого хочу – не знаю, кого знаю – не хочу» – фу, гадкий юмор... Просто ноги сами привели. А зачем? Неизвестно.

Как душно! Не продохнуть. А ведь вечер уже.

Так и осталась сидеть. С лезвием в пальцах... Потому что Ли вдруг «увидела» все, что было вокруг... Как деревья выросли! Стоят, зачарованные зноем, боясь колыхнуть хоть одним листом. И как это она раньше не замечала, какие деревья – красивые?! Солнце ложится бликами, проникая в толщу листвы. Тихо кружатся в вечернем солнце былинки, медленно, медленно их тянет к земле... Яркий вечер. Тихий. Душный. Все, все вокруг такое обычное и такое божественно прекрасное, что у Ли захватило дух, и она забыла про лезвие в пальцах, смотрела, раскрыв глаза, словно впервые увидела пыльные летние дорожки, траву, расчирикавшегося воробья, резную кромку липы на фоне вечеряющего неба, старые качели, стоящие здесь еще с тех пор, как ее первый сын катался на них... Кто композитор, что написал эту симфонию звуков? Кто художник, расписавший красками этот мир? Кто режиссер, задумавший и исполнивший все нелепые случаи и встречи, которые и составляют нашу жизнь?

Ли было хорошо. Но – странное наваждение – ощущение чьего-то присутствия, чьих-то глаз, наблюдающих за ней. Сын? Ли посмотрела на окна. Нет... Что-то не то... Ощущение не было неприятным, скорее, чуть тревожным. «И даже этот кто-то – прекрасен», – подумала Ли. Часть и целое, пустота и совершенство, причина и цель, все и ничто. Ли очень хотелось, чтобы это тревожное ощущение прекрасного поскорее прошло. Ей было как-то не по себе. В сущности, она давно уже ощущала себя не в своей тарелке. С тех самых пор, как ее стали посещать «странные мысли». Со свадьбы старшего сына. Эти проклятые истины... они ее замучили. И сегодня она решила... надеть красную юбку! Последний прыжок. Последняя попытка... Как же все-таки тихо...

– Рыба!

Звонко щелкнула костяшка домино о линолеум стола.

Над белым запястьем последним лучом солнца сверкнуло лезвие... Но выпало из рук.

Последней мыслью Ли было:

«А все-таки я – самая красивая!»

Когда стемнело, мамыши увели детишек домой. Усталых, но довольных проведенным в песочнице временем. Хотя, конечно, уходить никогда не хочется. Всегда кажется рано... Уходить всегда рано...

Тени потускнели, исчезли в сумраке.

Двухлитровая бутылка осталась ждать на песке. Как потерявшая хозяина собака.

Утром Ли нашли. Лежала под лавкой. Она была уже холодной. Сердце не выдержало. Среди всякой дребедени, вроде старых духов, затертого кошелька с мелочью, полуистлевшей бумажки с непонятными знаками «Ли К.» и старой фотографии таксиста в кепке, в сумке нашли развинченный бритвенный станок и вскрытый набор лезвий. Одно лезвие там не было. Оно затерялось в траве. Его никто и не искал.

Лешенька не в силах был понять, почему Ли нет теперь рядом. Он стал пить еще больше. Но все напрасно. Он чувствовал себя одиноким маленьким мальчиком. Маленьким. Очень маленьким. Брошенным, заблудившимся, потерянным навсегда. Теперь у него не было никого: ни матери, ни единственной в мире женщины.

Он приготовился умереть.

Тщетной казалась ему жизнь. Как недолго было счастье! Зачем оно было? Чтобы он горше чувствовал, как плохо без него? Чтобы он понял, что без НЕЕ ему жизни нет?! Так он и так всегда это знал.

Спустя год после похорон, в которых Герман благородно принял самое деятельное участие, поскольку Лешенька никак не мог поверить, что Ли могла вот так бросить его, осознать вообще ее смерть, бывший красавец таксист и куражливый танцор стал угасать. Не было больше в мире сердца, которое поддерживало бы его своей любовью...

Ворона и король

Она устала плакать. Навалилась какая-то тяжелая пустая тупость. Словно атрофировались все чувства. Словно душу вынули, промыли и вернули обратно. Но приладили не очень правильно по меркам тела. Будто бы это она и вместе с тем не она. Поток слез унес почти все: обиду от пережитого предательства, боль унижения, отчуждение и насмешки всего класса... Почти... Почти... Остался только тлеющий черный уголек страха на дне, на самом дне сознания. Не надежда умирает последней. Последним спутником человека остается страх.

Все было бы иначе, если бы природа наградила ее железными нервами. Но у нее была слабая психика. И потому несчастнее ее сейчас не было человека в мире.

Сверхчувствительность. Почти болезненная. Но эту грань – между чувствительными нервами и болезнью – способна смыть волна сильного стресса. И где вообще эта грань?

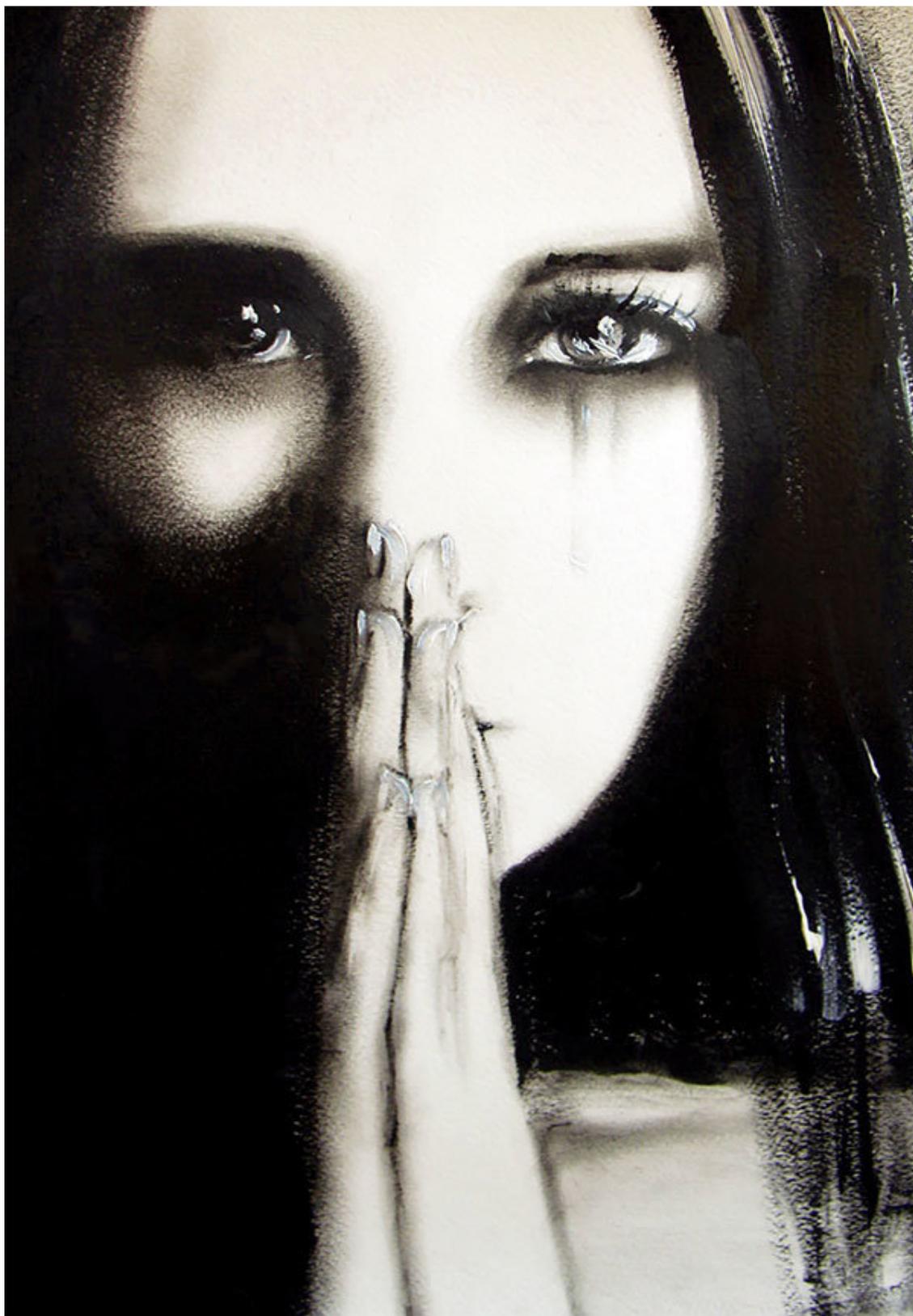
Все началось два года назад. Нет, не два. Три. Тогда им всем было по двенадцать лет. Тогда она еще была счастлива. Нет. Счастлива – неправильное слово. Счастлива – это что-то «сверх», что-то «над» будничным существованием. А тогда она просто жила в гармонии со всем окружающим: небом, полем, своим домом, своим телом, своей юной, но уже такой старой душой, о которой, правда, она еще ничего не знала. Что она есть? Никогда не задумывалась. И потому пребывала в счастливом равновесии молекулы, затерявшейся среди таких же маленьких невзрачных частиц – в космосе ее сверстников. Она ничем не отличалась от них. Она влюблялась в мальчиков, как все ее подружки, и видела, что ей платят взаимностью улыбок и взглядов прищуренных глаз. Она бегала стометровки, прыгала в длину на физкультуре, ненавидела физику и зубрила английский. Да мало ли, что она еще делала! Как все. Все делала, как все. И не потому, что стремилась к этому. Просто не задумывалась. Это было так же естественно, как дышать. Главное, Мария не разделяла себя и мир. Она не знала, любит ли ее этот мир. Но почему бы и нет? Все было хорошо. Ладное, ловкое тело, данное природой, было послушно и не доставляло хлопот. Она попросту его не замечала. Не замечала, как сладко спит, как красиво бегают, какой радостью отзываются мышцы, жаждущие движения.

Приятно бродить одной и любоваться деревьями. Силуэт березовых веток на фоне неба в ясный морозный день. Как на японском рисунке. Когда всего в меру и кажется, что нельзя выкинуть ни одной линии, ни одного штриха, чтобы не разрушить гармонии.

Книги, книги, книги. В стеллажах от пола до потолка. Чего тут только нет. Все сокровища мысли. Но это – загадка. До тех пор, пока их не раскроешь и не перелистаешь, вчитываясь, все страницы, от первой до последней. И испытываешь легкую шемящую грусть от расставания, оттого, что все уже закончилось. Но пройдет время, и окунешься в новое приключение. Старинные тяжелые фолианты. Золоченые углы и буквы с «ять», і и странной «е». Отец давно научил ее читать эти книги. Лет в восемь. Их торцы расписаны замысловатой вязью. Рисунки переложены тончайшей папиросной бумагой. И совсем новые книги по искусству, привезенные из Франции. Запах ложенной бумаги. Мазки великих мастеров.

Ей нравилось рисовать. Пойманное движение балерины, изгиб березовой ветки, портрет мамы.

В детстве она любила гулять с отцом. И не только потому, что он рассказывал и объяснял ей массу интересных вещей. Он умел видеть красоту. Это нельзя объяснить, этим можно только заразить. Передать через голос, через глаза.

Они жили на 9-ом, последнем этаже. Вечерами, теплыми летними вечерами можно было любоваться прихотливым и непредсказуемым полетом ласточек. На балконе всегда было солнце. Всего один дом отделял их от бескрайнего, пустынного зеленого поля, занятого аэродромом ДОСААФ. Маленькие самолеты часто жужжали над их домом, таща за собой планеры. Это поле на горизонте заканчивалось с одной стороны лесом, а с другой – все тем

же ковром шелковистой травы, расчесанной ветром. Мария простаивала часами, не отрываясь, глядя на облака. Их гигантские тени бежали по полю. Они двигались быстро. Она смотрела на эту картину так долго потому, что почему-то здесь, на высоком балконе, между небом и зеленью поля чувствовала себя особенно свободной, растворенной в окружающем. А если смотреть на облака очень долго, не мигая, начинает казаться, что сама летишь вместе с ними, и это твоя тень скользит по бескрайнему полю.

Сейчас оно было в россыпи одуванчиков. А когда-то здесь сеяли пшеницу, и синие глаза васильков выглядывали между колосьями. Она ступала по траве, и что-то ширилось в груди при виде каждой травинки. При виде убегающего горизонта. Глупый восторг рвался к глазам слезинками. А может, это ветер. Он никогда не покидает поля.

Лето вливается в кровь через все, что отражает солнце. А все, в чем есть солнце, прекрасно. Камни, пыль, расплюснутые крышки пивных бутылок, затоптанный, изъезженный уличный мусор на жарком, слепящем летнем асфальте.

А зимой... какие зимой ранние вечера! Скрипучий снег, схваченный морозцем, подминали быстрые ножки, тени березок мелькали на снегу, превращенном светом фонарей в мельчайшие осколки. Да, она любила все, на что смотрели ее глаза. Все, что слышала или ощущала кожей. Уютные чужие окна. Замерзшие коленки. И ковш Большой Медведицы над головой. И все, все было хорошо.

Но в плавное течение жизни всегда вплетается что-то новое. И никогда не разберешь сразу, чем это новое обернется для тебя, в конце концов. Этим новым была подруга. Ее звали Валя Солнцева. Невысокая, с некрасивым веснушчатым лицом, с копной густых каштановых волос, стройными спортивными ножками и изящными длинными пальцами. Она была новенькой в классе. Но не потому что переехала из другого города или района. Нет. Она всегда училась в этой же школе. В параллельном классе.

В том прежнем классе ее очень любили. Валя как обычно шла своей бодрой спортивной походочкой по коридору, когда ей встречалась группа ребят из ее бывшего, родного «вэ» класса.

«Валька, Валька!» – кричали ей. «Привет, Солнышко!» «Как живешь?» «Заходи!» Она улыбалась и махала им рукой. Она перешла в «а», потому что хотела учить английский, а «вэшники» учили только немецкий. Английский – более престижный. Кому в наше время нужен немецкий? И с легким сердцем оставила своих старых друзей. Вале все давалось легко. Училась она прекрасно, ходила одновременно в несколько кружков и секций: танцы, макраме, хор, шитье... Как она могла еще и знать все уроки? Маша часто задавала себе этот вопрос. Ее восхищала способность Вали везде успеть. И еще ей нравилось любоваться длинными изящными пальчиками Вали, когда та тянула руку на уроке. А тянула она ее часто. Валя производила совершенно ошеломляющее впечатление на учителей. И даже не столько своими знаниями, сколько обаянием и обхождением. Другой такой девочки просто не было. Учителя ее обожали. Маша сидела с ней за одной партой. Иногда Валя забывала что-нибудь важное, отвечая у доски. Маша ей сразу подсказывала, стоило Вале кинуть вопросительный взгляд в ее сторону. Те огрехи в ответе, которые никогда не прощались другим ученикам, в отношении Вали пропускались учителями мимо ушей. Это раздражало остальных. После очередного блестящего выступления на уроке, кто-то из девочек сказал ей:

– А ты не замечаешь, что кроме тебя тоже кто-то есть?

– Она забила себе почетное место под учительской юбкой! Не надо ее ни о чем спрашивать! – ответил еще кто-то. Валя только пожала плечами.

В новом классе ее прозвали Селедкой. С фамилией не слишком схоже. Маша представила себе селедку: скользкая, холодная, соленая, костлявая. Ее не любили. Все, кроме Маши. Она не могла понять, как, имея несимпатичное личико, Валя умудрялась казаться такой при-

влекательной. Или это только ей так казалось? Может, больше никто так не думал. Да и кто знает, что такое красота? Энергия. А энергия билась в ней, как птица в клетке. Каждое движение, каждый шаг излучали дерзкую силу, которой Маша любовалась.

За спиной отличницы Вали говорили, что она тупая выскочка и карьеристка. И надо было быть слепой и глухой, чтобы не замечать этого. Но Валя знала.

Она любила думать вслух, решая какую-нибудь задачку, определяя по глазам Маши, правильно ли направление, в котором движется ее мысль. А Маше нравилось следить, как рождается идея в головке Вали. Если Маша не видела соседку по парте хотя бы день, она скучала. А Валя...

Была перемена перед уроком географии. Все уже сидели на своих местах. Маша читала перед уроком учебник. Валя по обыкновению сидела боком к парте, лицом к классу и наблюдала за тем, кто чем занят. Вдруг она бросила взгляд на соседку по парте.

– Совсем заучилась, – сказала Валя, – Неужели не надоело зубрить? Машка. Машка объелась каши.

Маша молчала. Что толку отвечать ей? Все равно не удастся состряпать такую же гадость. Валя всю жизнь, с пеленок росла среди детей. Ясли. Детский сад. Школа. Ее нельзя было пронять насмешкой. Мария думала, что ее вообще ничем нельзя пронять. Она была грубее, проще, чем Мария, которая выросла дома и с которой занималась нянька. И еще Маша каждую секунду ощущала, что все насмешки Вали, все ее детское честолубие, за которое ее тихо ненавидели все в классе, кроме Маши, – все это лишь проявление все той же силы. Присущей только ей.

Валя не унималась:

– Что ты дома делаешь? Небось, тоже зубришь. Дома зубришь, здесь зубришь...

Маша читала. Тогда Валя нарисовала огромную жирную пару в ее тетради. Маша убрала тетрадь подальше. Валя было схватилась за Машин пенал, но та ее опередила. Тогда Валя с размаху скинула все, кроме пенала, с парты на пол. Маша попробовала ответить тем же, но ловкая Валька крепко-накрепко обхватила свои вещички руками. Когда учительница вошла в класс, Маша еще поднимала учебники с пола. В озорных глазах Вали отражалось насмешливая радость от вида замешательства соседки. Учительница открыла журнал. Класс замер.

– Кто нам сегодня расскажет о Восточно-Европейской равнине?

Валя моментально вытянула руку, по ходу этого процесса любуясь своими красивыми руками. Она почти встала в полный рост. Потому что была маленькой. И чтобы ее рука была самой высокой. Самой заметной. Учительница клюнула носом в записи и заметила:

– У тебя много оценок. Посиди.

– Ой, можно я, можно я?! – причитала Валя.

Зинаида Павловна высматривала в журнале фамилию жертвы. Тишина стояла гробовая. Валя едва не подпрыгивала на месте, трясая рукой.

– Хорошо, иди, – сдалась педагог.

Валя выпорхнула к доске. Произнесла несколько общих фраз об этой местности и замолчала. Зинаида Павловна несколько секунд рассеянно соображала, а потом задала простой вопрос:

– В силу каких причин здесь именно такой климат?

Ученица замялась и метнула отчаянный взгляд на соседку по парте. Но Маша даже не шелохнулась, чтобы ей помочь, памятуя о ее мелких пакостях на перемене.

– Что ж, ответ поверхностный. Хотя заметно, что ты читала. Так что могу поставить тебе только четыре.

– Ой, поставьте мне пять, пожалуйста. Я же все знаю.

– Нет, Валя. В другой раз ответишь. Сядь.

Когда прозвенел звонок, Валя моментально очутилась возле учительского стола с дневником. И, пока остальные школьники собирали тетрадки и учебники, Валя, преданно заглядывая в глаза Зинаиде Павловне и улыбаясь, попросила:

– Пожалуйста, переправьте оценку. Я же хорошо подготовилась.

Учительница усмехнулась и зачеркнула четверку. Открыла дневник ретивой ученицы и выписала туда оценку на балл выше.

Валя, очень счастливая добытой оценкой, выскочила из класса.

Кто-то из одноклассников подошел к Вале вплотную и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Эй ты, кляча! Опять оценку выклянчила, да?!!!

На них теперь смотрел весь класс.

Мальчишка наступал на перепуганную Валу, оттесняя ее. Наконец она оказалась у стенки. Дальше идти было некуда. Она оглянулась вокруг и увидела только враждебные лица. Плотное кольцо лиц вокруг.

– Мы тебе темную устроим! Я возьму молоточек и отобью все твои красивые пальчики! И не будешь тянуть больше ручки! И оценки клянчить тоже! Дай сюда!

Мальчик с силой вырвал портфель у девочки, вытащил дневник и, помахивая им в воздухе, сказал:

– Посмотрим, какие у нас оценки?! Одни пятерки!!!

Кто-то захихикал, кто-то примкнул к нему. Остальные же, видя, что дело принимает серьезный оборот, отступили в разные стороны. Кто-то отвернулся. Моментально вокруг девочки словно образовался вакуум. Пустота и холод. Валя побледнела так сильно, что рыжие веснушки отчетливо проступили по всему лицу.

– Отдай портфель, – взмолилась она, потянувшись к нему.

Мальчик рассмеялся. И кинул его другому. Портфель пошел по рукам. Из него вытрясли содержимое. Разорванный дневник полетел в воздух. Маша не участвовала в этом развлечении. Она стояла в стороне и наблюдала за происходящим. По искаженному страхом и мукой лицу Вали катились крупные слезы. Огляделась еще раз. Помощи ждать неоткуда.

Маше больно было смотреть, как живое личико Вали, которое она привыкла видеть только смеющимся, пусть даже с гримасой насмешки, исказилось сейчас некрасивым ужасом. Страх безобразен. И Марии показалось, что вместе с его появлением Валя теряет свою силу. Свое необычайное очарование. Гнев поднялся в душе. «Как они смеют! Они не стоят ее взгляда!» Что представляет собой эта сила, Маша не знала. Но каким-то непостижимым зрением видела, что она понижает Валу всю, с головы до ног. И она ярче светилась в ней, когда Валя двигалась: бежала или танцевала. Или выдумывала гадости и шутки.

Немного позже, стоя в полном одиночестве в углу около развороченного портфеля, Валя неслышно плакала. Отчаяние в ее душе мешалось с безотчетным страхом. «Уйти с урока нельзя. Это прогул. А уж все скажут про меня! Отпроситься тоже. Я заревана. Спросят, почему. Если сказать, почему... Что же меня еще ждет...»

Тут она увидела Машу, читающую по привычке учебник перед уроком, и, собрав кое-как то, что осталось от ее школьного имущества, двинулась к ней. Беззвучно, аккуратно. Как кошка.

– Что ты читаешь? – спросила. И, не дождавшись ответа:

– Можно, я почитаю вместе с тобой? А то мой учебник неизвестно где.

С усилием улыбнулась. Маша увидела эту вымученную улыбку и что-то внутри у нее снова болезненно оборвалось. Чтобы этот нож жалости отпустил ее, она ответила твердо:

– Конечно, можно.

Селедка. Маша и раньше знала, что ее – Валю – никто в классе не любит. Кроме нее. И знала, почему. В своем стремлении достичь желаемого, она не замечает никого вокруг. С другой стороны, кому может мешать ее честолюбие? Ее оценки? Почему она должна равняться на других? У этих других нет той чудесной силы, которой владеет она. Маша видела в «пятерочном» дневнике Вали лишь милое чудачество. Никак не преступление против остальных. Но Валю просто никто не видел глазами Маши. Никто не видел ее сумасшедшей силы.

Хулиган вновь оказался рядом с Валею.

– Нет, я все-таки засучу тебя, Селедка поганая. А то ты не запомнишь урок!

Валя в панике спряталась за Машину спину.

– А ну отойди!!! – прикрикнул он на Марию. Но она не шелохнулась. В мозгу пронеслось несколько сумбурных, сумасшедших мыслей. Отойти? Не отступить? Не отступить – значит встать на одну доску с Валею. И против всего класса. А что это ей сулит? Ничего хорошего. Кроме того, ее сейчас просто отшвырнут в сторону. И все дела. Но отойти она не смогла. Будто приросла к полу. И сама не знала, почему. Некогда было думать. Она сделала это интуитивно. Как в любом бою. Бьешь на автопилоте. Думаешь потом. Поэтому Маша просто стояла. Стояла и смотрела в глаза задиры. Валя дрожала за спиной. Дрожала и всхлипывала. Маша стояла. Несколько секунд злые зрачки буравили ее. Маша не отвела глаз. И он отступил. Уходя, буркнул:

– Тьфу, падаль трусливая. Неохота руками трогать.

Тяжело дыша под грузом своих килограммов, с лестницы вошла Зинаида Павловна. И застыла от увиденной сцены. По одну сторону небольшого холла замерла группа ребят. Все молчали и смотрели на дрожащую у противоположной стены Валю и стоящую рядом с ней Машу. Зинаида Павловна окинула взглядом детей. Немного задержалась глазами на развороченном портфеле. На разодранном дневнике с сегодняшней пятеркой. Встретилась глазами с Машей. Она все поняла. Хотела что-то сказать, наверное, прикрикнуть на учеников привычным менторским тоном, но передумала. Еще секунду постояла и отправилась в учительскую. «А что толку, – думала она по дороге. – Вале родительское собрание не поможет. Загрызут. Только еще больше растроят их родители. Но не сообщить я не могу. Вот ведь... „Чучело“ только полгода назад в общий прокат пустили. Видели они, что ли? Говорила я нашим: нельзя показывать. У нас же сразу примут как руководство к действию. Или это общая тенденция такая? О, Господи!»

С тех пор Валя не отходила от Марии ни на шаг. Будто прилипла. Притихла. Руку больше не тянула прямо под нос учительнице. И оценки не выпрашивала. Старалась не высовываться. Стала как все. По крайней мере, очень старалась стать. Ее больше не трогали. Потому что Валя приняла их условия. А еще она была не одна. Мария всегда рядом. Теперь она, как правило, развлекалась разговором с Машей. Чего раньше почти не было, потому что Валя была целиком у доски, даже если сидела на своем месте. И Маша была счастлива. На географии они играли в города и реки. Кто-нибудь один незаметно находил название. А другой должен был отыскать его на своей карте. Как ликовала Валя, когда Маше этого не удавалось! Как торжествовала победу! Маша готова была специально ей проигрывать. Очень скоро они стали понимать друг друга без слов: только лишь посмотрев в глаза. Однажды они сидели на уроке английского. И переводили текст. В отличие от других, они всегда это делали вместе, низко склонив и сблизив головы. Получалось вдвое быстрее. Валя была счастлива: они первые!

Они нашли в тексте незнакомое слово «enjoy». Одновременно прочли его толкование внизу страницы: «1) наслаждаться, 2) получать удовольствие, 3) обладать».

Валя посмотрела в глаза Маше и рассмеялась, словно прочла пошлый анекдот. Маше не показалось это таким уж забавным. Она просто ловила смех в глазах соседки.

В то время все в классе считали, что Маша влюблена в учителя английского. Такими глазами она смотрела на него. Таким он был для нее авторитетом. Он был старше лет на тридцать. Что ж, положила руку на сердце, Мария могла признаться, что это правда. Его обаяние было бесспорным. Кого же действительно она любила, не знал никто. В том числе и она сама.

Об истории травли круглой отличницы Вали узнали все, от учителей до учеников параллельных классов и их родителей.

«Волчий класс», – говорила Зинаида Павловна. «Один человек только нашелся. Повезло Вале».

Прошел год. Маша шла одна из школы. Дорожка лежала через небольшое поле между домами. Сверстники играли в футбол. Обходить поле было далеко и неудобно. Она прошла его очень удачно. Мяч гоняли все время где-то в стороне. Хорошо, что она не могла видеть себя со стороны. Походка у нее была смешная. Размашистая, крупная. Совсем не девичья. Скорее мужиковатая. Оттого, что все детство она гуляла с отцом. А он ходил быстро. И она так привыкла, что сколько не старалась, отучиться уже не могла. Осенняя грязь покрыла дорожку неряшливыми отпечатками ног. Маша старалась не наступить в слякоть, и от этого ее походка становилась совсем уж неуклюжей. Она уже подходила к краю поля, когда ее сбил пинок. Она упала в грязь. Оглянулась. Над ней стоял мальчишка из параллельного «бэ» класса. Смуглый. Чернявый. И нахально ржал. Над его выходкой, которая показалась всем забавной, мальчишки посмеялись. Маша никогда не сталкивалась с таким хамством. Беспочинным злом. Она растерялась. Кровь пульсировала в висках, а гнев почти ослепил ее. Несколько секунд она ничего не видела. Мальчик убежал. И ей ничего не оставалось, как убраться оттуда. Слезы подступили к горлу. Но она сделала усилие и не разревелась. Стерпела. Дошла до дома и только там дала себе волю. К этому моменту мальчик уже забыл об этом пинке. Забыли и остальные футболисты, разгоряченные азартом игры. Слезы никак не хотели высыхать. Вечером ее мама заметила, что дочка не такая, как обычно. Маше не хотелось ничего рассказывать, но мама заставила ее почти силой. Она была властная женщина. Если бы она не рассказала тогда этот случай, кто знает, как повернулась бы ее жизнь? Может, и не было бы ничего, что случилось много позже.

Утром мама накрутилась, надушилась, надела свою лучшую дубленку, которая выглядела необычайно роскошно и представительно в то время, и отправилась вместе с дочерью в школу.

Маша указала на чернявого парня. Мама поманила его пальцем. Тот подошел. Любопытный класс окружил их кольцом.

Мама очень спокойно сказала ему:

– Если ты, урод гавнистый, еще раз обидишь мою дочь, я не пойду к твоим родителям или учителям, я своими руками тебя в землю зарюю. И никто тебе не поможет. Если с ней что-нибудь еще случится, я не буду искать виновных. Виноват будешь все равно ты. Так что я на тебя надеюсь.

Повернулась и ушла. Класс несколько секунд стоял тихо, а потом рассыпался ухмылками и смешками. Обидчик Маши стоял злой и пунцовый.

Настроение было испорчено на весь день. Потому что все его спрашивали: «А чего ты сделал-то?» «Что, решил себе директорскую дочку отхватить и не вышло?» «Ну и чего мамашка так разъярилась-то? Встал у тебя что ли? Когда эта девка на коленках стояла? А дочка увидела?»

От этих слов парень стал еще злее и еще пунцовее. Потому что и вправду испытал мгновенное, сумасшедшее возбуждение, когда увидел Марию на земле.

Прощальная фотография на память. Восьмой класс. В следующем году половины учеников уже не будет. Классы расформируют, и все будет иначе.

Как хорошо, что ее распределили к своим! Двадцать пятая школа, девятый «А»! Мария была счастлива и горда. Главное – она в девятом! Еще каких-то два года – и ее ждет институт!

Этот класс, который Зинаида Павловна назвала «волчьим», Маша считала родным. И не потому, что с кем-то у нее сложились очень дружеские или доверительные отношения. Как раз наоборот. Она часто чувствовала свое одиночество и отчужденность. У нее не было уже подруг. Раньше были. А сейчас нет. В чем было дело? Конечно, в ней самой. В ее позднем взрослении. В отсутствии общих интересов с ровесницами. Когда ее бывшие подружки уже всерьез обсуждали проблемы контрацепции и мужской физиологии, давно живя с молодыми людьми, она читала все книжки подряд и занималась спортом. «Три мушкетера» и «Таинственный остров», «Приключения Шерлока Холмса» и «Всадник без головы», «Последний из могикан» и «Янки при дворе короля Артура». Легкая атлетика. Бег на шестьдесят метров, бег на четыреста метров с барьерами, прыжки в длину, в высоту... как она любила прыжки в высоту!.. бег, бег, бег...

Мария иногда думала, что ей не могут забыть заступничество Вали. Конечно! Она же своим глупым благородством ударила их, как говорится, прямо мордой в грязь, показав, КТО выше нравственно. Это ясно. Любой психолог вам это объяснит. Повторяться... Просто скучно. Но этот класс... Она к нему привыкла. Не хотела что-либо менять.

Многое в поведении сверстниц и правилах жизни, по которым они жили, казалось Марии нелепым и даже смешным. Они без конца подражали друг другу. В советской школе тех времен не было красивых ярких ручек, пеналов, ластиков. Даже скрепки были только простые. Но откуда-то из недр заграницы появились разноцветные скрепки. Они были непрочные, куда хуже русских железяк. И их было мало. То ли по непонятному стечению обстоятельств, то ли в силу созданных кем-то несуразных правил, среди школьниц они стали чем-то вроде валюты. И чем больше имела девочка этих закорючек, тем выше она стояла в глазах всех остальных. Но хуже всего, что одноклассницы Маши прикрепляли эти разноцветные скрепки прямо на лацкан пиджака, рядом с комсомольским значком. Ничего более нелепого Мария просто никогда не видела. И не понимала, почему все, все остальные просто поголовно думают иначе. Это же просто скрепки! Ими скрепляют бумагу! И выкидывают, когда они не нужны! Вместе с бумагой! А прикрепить скрепку к себе Маше казалось невыносимым чудачеством. Она не смогла бы этого сделать, даже если бы во всем мире это стало так же модно, как в их школе. Но самое интересное в том, что чудачкой считали ее, столь равнодушную к замечательным скрепкам!

Мария не соответствовала ни одному неписанному правилу. Во-первых, она была совершенно безразлична к красивым штучкам: ластикам, заколкам, колготкам и т. д. Во-вторых, она никогда не преклонялась перед теми, у кого они были. В отличие от остальных «нормальных», но не столь хорошо обеспеченных. В-третьих, она не могла поддержать разговор на темы модной музыки и мальчиков. В-четвертых, она не умела вести себя с апломбом, как и полагается всякой уважающей себя девчонке. В-пятых, она не носила скрепок. За все эти перечисленные преступления ее ненавидели. Тихо и молча, как когда-то Валю, а вовсе не из-за того, что думала она сама. Не из-за ее «нравственного» заступничества подруги. Ее строй мыслей был гораздо сложнее, а надо было смотреть на вещи проще. Носить скрепки, смотреть в рот тем, у кого их было больше, и кого мама с папой одевали лучше. Вот и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.